

ЖУРНАЛ

№ 1 ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1935

3-505/35

К556,1-16

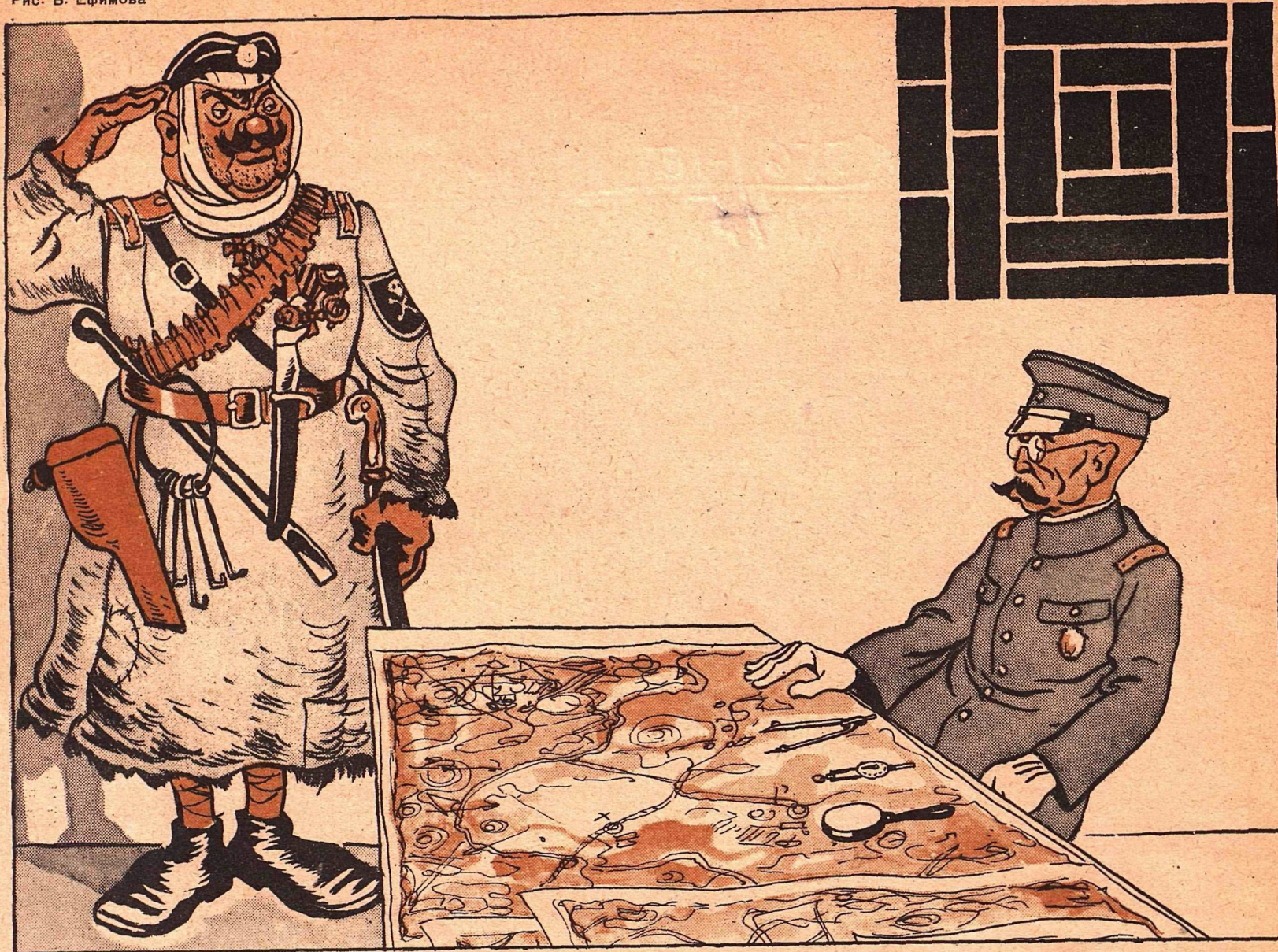

СОВРЕМЕНИК МЕТРО

— Поживешь с мое, — еще и не то увидишь!

Рис. Б. Ефимова

- Разрешите доложить: бандиты, развинтившие рельсы, обнаружены. Прикажете посадить?
 — Как посадить! А кто же у вас в отряде останется?

ПОЧЕМ ДЕТИ?

Девять месяцев родители пребывают в неизвестности. Мальчик или девочка? Брюнет или блондин? Мелкий или крупный будет ребенок? Да и вообще появится ли он на белый капиталистический свет живым или мертвым? Загадка. Сплошная загадка.

В то время как родители посвящают долгие вечера трогательному обсуждению этой исключительно значительной проблемы, ребенок проделывает в материнском чреве сложный и замечательный путь от оплодотворенной яйцеклетки до совершенно сложившегося человеческого детеныша.

Лучшие умы биологии изучали и изучают по сей день это великое таинство зарождения нового человека. Они проследили все этапы, через которые он при этом проходит от первого до последнего дня развития.

Но еще до сих пор недостаточно изучена важнейшая проблема развития человеческого зародыша еще во чреве матери в товар, котирующийся на биржах всего капиталистического мира.

— Хорошо бы, если родилась девочка, — мечтают счастливые обитатели страны восходящего солнца. — Рису год от года становится все меньше и меньше. Налогов год от года становится все больше и больше. С девочкой все-таки как-то легче. Подрастет она лет до шести-семи. Гуляй, и продал ее за полсотни иен на фабрику в

Осаки или Киото. И с плеч долой. А если боги нам улыбнутся и дочка наша будет радовать глаз мужчины красотой и грацией, то любой содержатель столичного публичного дома с дорогой душой отвалит за нее и все сто, а то и полтора иен. И будет наша дочь ходить в шелках.

— Хорошо бы, если мальчик, — прикидывает за скудным ужином со своей женой рурский горняк, лодзинский ткач, пенсильванский литейщик. Годам к девятидесяти можно будет его отдать в ученики. Все-таки подспорье. Если, конечно, к тому времени не будет базаротицы. А еще лучше было бы, если бы с самого начала не было лишнего едока...

Конечно, такие низменные мысли возможны только в грубых и необразованных кругах населения. Это само собой понятно.

У людей, изысканно и тонко мыслящих и не погрязших в материалистических заботах о хлебе насущном, детьми начинают торговать, когда последние достигают возраста от семнадцати до двадцати лет.

— Мы выдадим нашу Женни за лорда Джемса. Пора уже нам породниться с какой-нибудь древней фамилией.

— Мы женим нашего Джорджа на дочери мистера Смита и К°. Правда, Джордж красив, а дочка мистера Смита и К° безобразна, как семь смертных грехов, но деньги ее отца помогут нам поддержать по-

шатнувшийся кредит нашего торгового дома.

Все это уже вчерашний день. Торговля детьми на капиталистическом Западе поднята теперь на более высокую ступень.

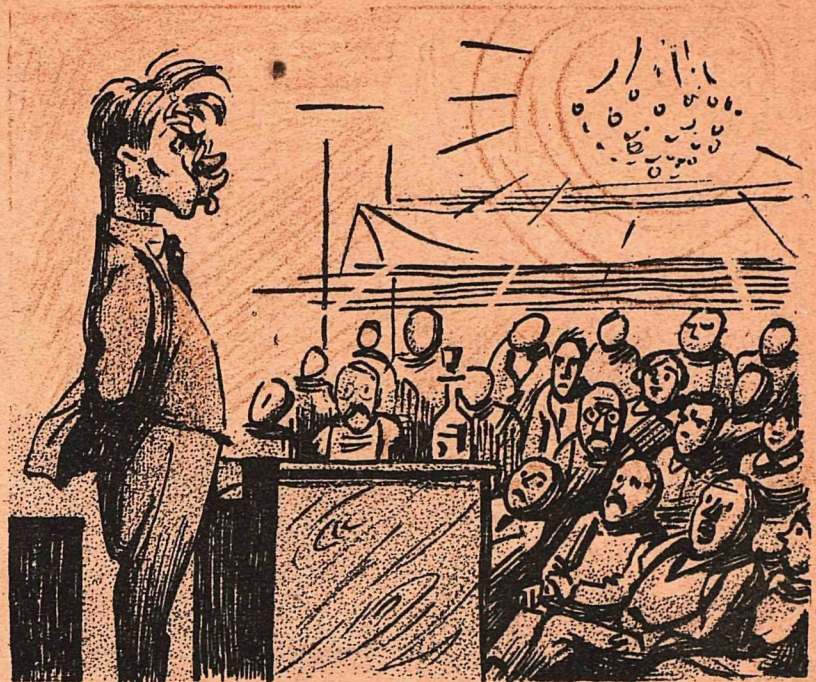
Нам уже известен случай контрактиции ребенка во чреве матери. Почин в этой новой сфере приложения капитала сделал наш бывший соотечественник, беглый музыкант, пианист Владимир Горовиц.

Эта тонкая артистическая натура, сочетавшись законным браком с дочерью знаменитого дирижера Тосканини, заключила с предприимчивым импрессарио контракт на исключительное право эксплуатации последним имеющего родиться от этого счастливого брака ребенка. Расчет для импрессарио был несколько рискованный, но не лишенный основания. Предполагается, что внук (внучка) знаменитого дирижера и сын (или дочь) талантливого пианиста должен (должна) оказаться музыкально одаренным и, следовательно, сулящим немалые барыши ребенком. В счет этих будущих прибылей импрессарио будет выплачивать любящим родителям определенную ренту с самого момента рождения ребенка. Родилась девочка. С чем мы и поздравляем счастливых коммерсантов-родителей. И всю капиталистическую культуру, достигшую в благоуханном искусстве торговли детьми новых поистине головокружительных вершин.

И. БУШУЕВ

Рис. Н. Радлова

— Кончай говорить! Ставь точку!
— Какую точку?
— Торговую. Для продажи хлеба.

Началось с того, что начальник постройки научно-исследовательского института пригласил для консультации профессора.

В подвале дома, назначенного на сломку, оказалась вода: откуда? В подвалах соседних домов было сухо; в буровых скважинах, заложенных вокруг дома, воды также не было. Это была загадка.

— Не будем ломать голову, — сказал, наконец, начальник постройки, обращаясь к своему старшему инженеру Сеницыну. — Позовем для консультации профессора. Там, где мы с вами тычемся, как щенята, — откуда вода, — для него это будет просто и ясно.

Профессор потер тонкими пальцами подбородок.

— Я помню подобный случай около озера Файр Лейк — в Америке...

Начальник постройки красноречиво взглянул на выпетшего сразу Сеницына. «Хорошо, что я сам ему предложил за консультацию три, а не две тысячи, — наспех подумал он, — пусть одна тысяча лишняя».

— На время постройки я им рекомендовал замораживание грунта. Вам я рекомендую то же, товарищ Сеницын.

— Замораживание? — ежась, спросил начальник постройки. — Но ведь это... оградится на смете?

— Конечно.

— Так значит как же, профессор? Вы подозреваете, что между Патриаршим прудом и подвалом есть связь? Подземное сообщение?

— Я полагаю. Узкая жила, не схваченная вашими скважинами. Разумеется, я говорю это только на основании представленных мне данных и более чем общих соображений о характере окружающей местности. До окончательного заключения мне придется провести весьма солидную работу по руководству специальной изыскательской группой.

— Конечно, конечно, — не вполне отдавая себе отчет в собственных чувствах, сказал начальник постройки. — Товарищ Сеницын?

— Слушаю! — откликнулся инженер.

— Товарищ Сеницын... Вы подробно договоритесь обо всем с профессором, чтобы была полная картина: какими способами, во что это обойдется... Пару сот тысяч будет достаточно? — спросил он, просительно глядя на профессора.

— Пару сотен? — профессор поплыл глазами по потолку. — Мне несколько трудно ориентироваться в наших экономических измерителях. Пару сот...

Он потер свой высокий лоб.

— Пару, другую сотен? — деликатно облегчил начальник работ.

— Я вам отвечу, пользуясь укрупненными показателями, — кивнул головой профессор... — Сейчас... Нормальная холодильная установка... или, позвольте, нам можно применить цементизацию...

— Да кто там ко мне лезет! — закричал начальник постройки. — Закройте, говорю, дверь... Товарищ Сеницын! Не откажите: какого там чорта-дьявола?.. Простите, профессор... Тебе чего надо?!

Вошедший или скорее втершийся человек был упрямый старик низкого роста с ощерившимся отставшей подошвой валенком.

— Вы меня кликали? — спросил он. — Не вы, а вот этот, лохматый, — он показал на Сеницына. — Кликал меня али нет? — строго прикрикнул он. — Я Гречишкин.

Профессор с болезненным видом прервал расчет.

— Послушай, — сказал начальник постройки, сознательно отменяя слова, которые бы он употребил без профессора. — Иди ты, старичок...

— Пойду! — сказал старичок. — Пойду... Только ты у меня набегаешься!

Он возбужденно хмыкнул. Присутствующие были озадачены.

— Курьезный тип, — улыбнулся, снимая пенсне, профессор. — Но в общем, суммируя произведенную мозговую работу, — сказал он, — трехсот тысяч хватит.

— На что хватит? — подозрительно спросил его старик в валенках.

— За триста тысяч, — не примечая старика, качнул головой профессор, — приток воды в ваш подвал прекратить можно.

— Можно? — старик критически наклонил набок голову и прищурился.

— Послушай, — начал опять начальник. — Ты видишь...

— Погодь, погодь, — огородился от него рукою старик. — Ты меня такими словами не обладывай: ты материалист и я материалист; слово за слово. Тот, лохматый, меня зачем кликал?

Слово «лохматый» было неприятно старшему инженеру, но ему что-то подсказывало, что у старика было чем заплатить за вольность. Поэтому он выступил и сказал:

— Мне соседний дворник говорил, что товарищ Гречишкин — старожил и потому может быть нам полезен.

— Во-во-во! — подтвердил старик. — Насчет дырки.

— Какой дырки? — стесняясь перед профессором всей этой комедии, спросил начальник постройки.

— Насчет той самой. Через какую воду в этот подвал тикет. Да.

Профессор махнул рукой.

— Что ж это за дырка? — юмористически поглядев на профессора, спросил начальник постройки.

— Что за дырка?.. А тебе даром сказать? — старик покачал наискось головой, выражая удивление, что его считали способным на такую наивность. — Вы вон тому гражданину сколько за совет дали? — он показал на профессора.

Профессор принужденно засмеялся.

— Ну, вот что, — переходя на серьезный тон, хмурясь, сказал начальник постройки, — ты глупостей здесь не говори. Можешь что-нибудь дельное сказать, — говори. Не можешь?..

Старик не спешил.

— Как это так — дельное? Воду вам надо из подвала угнать? Платите деньги... Мы тоже вон с ними не зря в этих делах башками мереем, — он сделал движение, чтобы привлечь на свою сторону профессора. — Нам обоем, чай, деньги нужны.

— Ладно, ладно, ладно... Говори, тебя не обидят. Не лавочка. Старик посмотрел на пол.

— Случай-то такой редкий... Да и прижимать вас очень не хочется, — он почесал лысину. — Десяти рублей не много с вас будет? — Он неожиданно вскинул голову, чтобы ухватить произведенный эффект. — Менее не возьму: хотите, стройтесь, хотите, нет.

В доказательство своей непреклонности он надел шапку.

— Только работа ваша, — предупредил он. — Я вам покажу, где что, а там, ежели какой материал, рабочие, — это с меня ничего не спрашивайте. Тут по прежнему времени одна работа не менее б... рублей сорок стоила.

— Будь добр, товарищ Сеницын, — устало попросил начальник своего инженера, — поговори с ним в другой комнате. Нам с профессором некогда.

— Не знаю, куда десять рублей снести, товарищ Сеницын, — нервно сказал бухгалтер.

— Какие еще десять рублей?

— По счету какого-то там Гре... Гречишкина. Пишет-то как: разобрать ничего нельзя.

— Гречишкина? — старший инженер повернулся на стуле. — Гречишкина? На выгребную яму.

Он открыл папку и посмотрел на подшитый к смете листок: «Раскопка старой выгребной ямы, очистка ее от песку и строительного мусора и обратная ее засыпка, с утрамбовкой глиной».

— Так бы и бились, если б не старый чорт: дождевая вода через яму в подвалы просачивалась.

— А-а, — сказал бухгалтер. — Он меня еще чем сбил?..

Бухгалтер поднес ближе счет.

— Видите: «Десять рублей за кон... стул... станцию... Сполна получил Гречишкин». Я их на консультацию сперва и отнес. А потом гляжу, — там уже есть три тысячи на профессора. Ну как-то рядом неловко... Да у нас и без того по этой статье много выходит.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

Рис. А. Толикова

ГОЛОВОТЯПКИЕ ПОДСНЕЖНИКИ

МОЙ ДРУГ ДАВИД

Среди немалочисленных моих друзей одно из видных мест занимает мой друг Давид. Мне думается, о нем стоит написать. Это отличный человек. Наша дружба с ним велика.

— Как велика? — спросил однажды Давид.

Я раскинула руки в обе стороны, показывая величину дружбы.

— Но ведь я расту, — озабоченно сказал Давид. — Все жалуются на меня, что я так расту. Видишь это пальто? Оно уже не годится мне, а оно ведь с меховым воротником. Я вырастаю из всего.

Он вопросительно глядел на меня. Я же молчала, не желая помогать ему. И, действительно, он выпутался. Он просил:

— Дружба, — сказал он, — так что ж... она будет расти вместе со мной.

И он оказался прав.

Мы познакомились с ним два года тому назад, когда он был еще очень, очень молод. Уже тогда намечался его характер. Придя ко мне в гости, он упал, бегая вокруг стола.

— Почему в этом доме не смотрят за детьми! — возмущенно закричал он и долго не мог успокоиться. Прошло много времени, пока мы разговорились.

— Меня зовут Давид, — сказал он.

— Я это знаю, — ответила я.

— Но ты не знаешь, какой я Давид. Ты думаешь, я какой Давид?

— Думаю, что обыкновенный.

— Я по имени французского художника. Его фамилия — это мое имя. Я и рисовать умею. Я рисую и потом пишу на это стихи. И он прочел мне четверостишие, сочиненное им накануне:

«Все собаки маленькие
Надевают валенки,
А большие собаки
Надевают сапоги».

Однажды провинившийся Давид был заперт матерью в темную ванную комнату. Сидя там, он громко разговаривал сам с собой.

— Это ничего, что здесь темно, — говорил он. — Ночью тоже темно, однако никто не боится.

Он казался совершенно спокойным, так что мне даже показалось, что наказание не дошло до него. Но будучи выпущен из заточения, он кинулся к своим кубикам и поспешно начал возводить причудливое дырчатое сооружение.

— Что ты строишь, Давид? — спросили мы.

— Я строю, — ответил он, глядя нам прямо в глаза, — такой дом, где бы не было ни одного темного угла.

В другой раз Давид рассказал мне об одном жильце их дома, «skonфуженном» на войне.

— Он получил **конфузию** от одной пули, — пояснил Давид. — Пуля летела не в него, а в его товарища. Но жилец услышал, как она летит. Он был трус, этот жилец. Он испугался и подпрыгнул. И тогда пуля дохнула на него и пошла дальше. А он остался на всю жизнь ночным сторожем.

Меня всегда восхищает в Давиде его умение общаться с окружающим его миром. Великолепное чувство конкретности свойственно ему. Его вселенная логична, целесообразна и бесконечно интересна. Мне вспоминается ответ, так часто даваемый нам в дни нашего детства.

— Так это устроено, — отвечали взрослые на важнейшие наши вопросы. И мы, дети, смирились, вздыхая. Дальше спраши-

вать было нечего. Дальше был великий ледяной барьер, о который мы, маленькие кораблики, стучались носами. «Так это устроено».

Давид не таков. Подобное «устройство» не устраивает его. Ему подавай объяснение. Необъяснимых явлений для него не существует. У него самого всегда имеется под рукой «рабочая гипотеза». Он должен осмысливать виденное, иначе он не может.

Как-то раз он оказался свидетелем одного необъяснимого явления: ярости и бешенства двух собак при виде фотоштатива. Это повторялось всегда. Собаки — злая, умная такса и добрый, глупый бульдог — вели себя в таких случаях всегда одинаково. Их шерсть становилась щеткой вдоль спинного хребта, глаза наливались зеленой. Клокоча от злости, они кидались на длинные ноги штатива. Это была самая настоящая мистика.

Но Давид, увидав это, улыбнулся. Он сказал:

— Они лают потому, что не понимают. Сами они на четырех ногах, мы, люди, на двух, это они видели. А он (штатив) на трех. И они не знают, кто это такой.

У Давида отличное художественное чутье. Он не терпит никаких сладостей, чрезмерностей, преувеличений, никакой фальши. Однажды, засыпая, он слушал мой рассказ.

— Вошло солнце, — рассказывала я. — Оно было яркожелтое и пахло горячим лимоном.

Давид приоткрыл сонные глаза.

— Ты всегда все вынюхиваешь, — брюзгливо сказал он. — Как тебе не надоест.

В другой раз я описывала ему старинную наполеоновскую Москву, сплошь деревянную, без трамваев, тротуаров, автомобилей и телефонов. Давид слушал, затаив дыхание.

— Когда это было? — спросил он меня, наконец.

— Давно. Тебя еще на свете не было. И меня тоже.

— Ну, как давно? Когда бабушка была обезьяной или еще раньше? — спросил Давид. И я не улыбнулась, зная, что Давид не любит беспричинных улыбок.

Но любопытнее всего оказалось наше с ним морское путешествие. Оно произошло в снежные сумерки в тихой комнате. Снег падал за окном перистыми звездами. Горела настольная лампа. Тикали часы.

Я уберу этот гудильник, — сказал Давид. — Он нам будет мешать.

Мы сели в кресло. Это был моторный бот под названием «Дельфин». «Дельфин» поплыл по бурному морю. Снежные хлопья за окном превратились в брызги пены. Нас уносило бурей в неведомые страны. Ночная туфля у кровати превратилась в шляпку на горизонте. Она тоже попала в шторм. Внезапно перед нами вырос черный айсберг, зловеще отражающий наши сигнальные огни. Мы не столкнулись с ним чудом. Это был рокаль. Понемногу море утихло. Мы вошли в небольшую бухту, темноокрасную от водорослей. Это был ковер. Внезапно подлинный, неигрушечный сон сморил меня. Я стала засыпать в этой тихой комнате.

— А как же обратно? — с отчаянием воскликнул Давид. — Проснись, ведь нам же надо вернуться.

И он сильно потряс меня за плечо.

— В мое время, — сказала я, с трудом отгоняя дремоту, — в мое время мальчики были много вежливее.

Но тут Давид рассердился. Я впервые увидела Давида в гневе. Он покраснел, он вскочил на ноги.

— Твое время... твоё время... — закричал он. — Время мое, понимаешь. Оно мое.

И снова (в который раз) он оказался прав.

ВЕРА ИНБЕР

ПОВТОРНЫЕ МОТИВЫ

ЕЩЕ РАЗ...

Можете, читатели, обижаться. Можете негодовать. Можете браниться. А мы все-таки еще раз расскажем о телеграфе.

Гражданин Кунин, проживающий в Москве, получил недавно из Козловки, что под Казанью, телеграмму такого содержания:

«Пертель 19/5 588 пятьдесят се-
ло».

В Козловке у гр. Кунина проживает брат. Член профсоюза. Здоровый человек. К своему брату отношение самое хорошее. И вдруг по телеграфу какой-то «пертель». Что бы это значило?

Гр. Кунин пошел на телеграф. Там проверили. И тут же извинились перед ним. Действительно, немного напугали. Надо читать так:

«Перевел телеграфно девятнадцатого мая № 588 пятьдесят рублей. Мы на разных полюсах».

Гр. Кунин был слегка недоволен таким разъяснением. Почему в декабре брат будет телеграфно сообщать о денежном переводе в мае? И почему Козловка и Москва очутились на разных полюсах? А если бы это истряслось с Козловкой, почему брат с такой радостью телеграфирует об этом в Москву.

По настоянию гр. Кунина московский телеграф запросил Козловку: прислать точный текст телеграммы.

На-днях текст получен. Оказывается, вот какую телеграмму послал брат гр. Кунина из Козловки:

«Четырнадцатого буду проездом
Москве Володя».

А в итоге — «пертель» и

«разные полюсы» плюс пятьдесят рублей. Работники телеграфа, как видите, стараются разнообразить свой репертуар.

И ЕЩЕ РАЗ...

Представьте себе, что от нежно любимой вами девушки, с которой вы долго не видалсь, получается в ваш адрес телеграмма такого рода:

«Привет нежно целую нет папирок курю махорку завтра обязательно переломлю ноги сообщу номер исходящей будь проклята Наташа».

Вы и в мыслях не допускаете, чтоб ваша Наташа разговаривала таким языком, да еще по телеграфу.

«Опять телеграф что-то напел», — думаете вы с раздражением.

Ничего подобного. Правда, Наташа тут не при чем. Но и в телеграмме нет никакой путаницы.

Сейчас мы вам объясним, как это делается. На-днях одна из московских страхкасс получила из Тулы телеграмму:

«Путевка Мисхор не может использоваться Еремичева умерла ладно я эту квитанцию наклею старший будет звонить окажется дешевле вам не поздоровится».

Страхкасса начала выяснять в чем дело. Оказывается, Еремичева действительно умерла и путевка не может быть использована. А все остальное в телеграмме — творческая беседа между тульским и московским телеграфистами.

Во время ночного дежурства скучно сидеть без дела. Вот и перестукиваются. А потом это и попадает по недосмотру в адресованную вам телеграмму.

Вот и все. И никакой путаницы. Веселое времяпрепровождение — и только. И не впадайте в панику, если получите по телеграфу что-нибудь невразумительное от вашей Наташи.

ВО ВСЕОРУЖИИ

Рис. Л. Генча

Все то немногое, что нужно для каждого владельца самопишущего пера производства Мосхимтреста.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ТОРГОВЛИ

Коммерсант гор. Фицбурга г. Зигфрид Мунц торговал сосисками. Не так давно его вызвали в полицию, и г. полицейский комиссар сказал ему в тоне грустного попридания:

— Я провожу оздоровление торговли во вверенном мне городе. Ваши сосиски не патриотичны. В сыром виде они напоминают еврейскую копченую колбасу, а в вареном — французские шпроты. Сосиска должна агитировать за строй и чистоту нации. Сделайте что-нибудь или приходите с семьей и вещами арестовываться.

Г. Зигфрид Мунц, почтенный коммерсант и честный ариец, очень смутился и пригласил г. Дидека, популярного в районе жулика и патриота, помочь его беде.

— Слушайте, Дидек, у меня и так за последние два года нашего экономического расцвета все обрадованное население покупает не больше кило сосисок в сутки, а теперь меня вызывают в полицию. Я, конечно, очень рад, но прежде чем повестись, я хотел бы попросить у вас совета, что делать.

Г. Дидек получил вперед деньги за совет и, почтав вечерние газеты, сказал:

— Ставьте на сосисках свастику. Чем-нибудь лиловым. Можете зеленым. Это все равно.

Со следующего дня уважаемые сосиски г. З. Мунца стали появляться с расплывчатым фиолетовым знаком свастики.

— Приветствую в лице ваших сосисок, — сказал ему г. полицейский комиссар, — настоящую мудрость и хорошие традиции. Кланяйтесь вашему семейству и пришлите мне два кило на пробу.

Через месяц встревоженная г-жа Мунц побежала за жуликом г. Дидек:

— Вас зовет муж.

— А что он делает?

— Сидит дома и теряет на глазах у соседей состояние.

Г. Дидек пришел к г. Мунцу и выслушал короткую сводку событий последнего месяца.

— Я теперь на хорошем счету у полиции, — уныло прошептал г. З. Мунц, — и

только благодаря вашему совету. Со знаком свастики мои сосиски выглядят, как штурмовик на именинах. Это очень красиво, но их теперь уж никто не покупает. Вчера, например, один покупатель внимательно осмотрел их, плюнул на самую толстую и ушел в другой магазин. Если бы я удовлетворялся таким отношением к своему товару, мне следовало бы открыть плевательницу, а не магазин для розничной продажи.

— Хорошо, — ответил жулик г. Дидек, — заплатите мне за совет, и вы будете очень довольны.

Получив деньги, г. Дидек сказал мягко, но решительно:

— Выпускайте сосиски без свастики. Ваш товар будет иметь большой успех.

Г. З. Мунц стал выпускать сосиски без свастики. Сосиски действительно имели большой успех, и даже тот человек, который плюнул на них, стал ежедневно заходить в магазин, чтобы посмотреть на свежий выпуск, а плевать уходил на соседний угол, где висели печатные правила о соль-

ном исполнении патриотических песен в общественных уборных.

Плохо было только одно: никто не покупал сосисок у г. З. Мунца.

В один ненастный вечер г. З. Мунц пошел вместе с семейством арестовываться.

— Вяжите меня, арийцы, — уныло сказал он, — мне теперь все равно, у меня не покупают сосисок ни со свастикой ни без свастики. Садите меня в концлагерь и кормите меня с моим семейством.

Так вся эта история кончилась благополучно. Г. З. Мунц сидит в концлагере, магазин его закрыт, население не покупает сосисок, а в одном из многочисленных «Фелькише Беобахтер» появились новогодние размышления с таким оптимистическим выводом:

«Правда, распространение отечественного производства наталкивается на некоторые экономические затруднения, но и продажа иностранных товаров от этого не выигрывает. Тем не менее, оздоровление нашей торговли в духе национальном все же дает благоприятные результаты».

Арк. Б.

НОВОГОДНИЙ ОТЧЕТ ЛИТЕРАТОРА NN

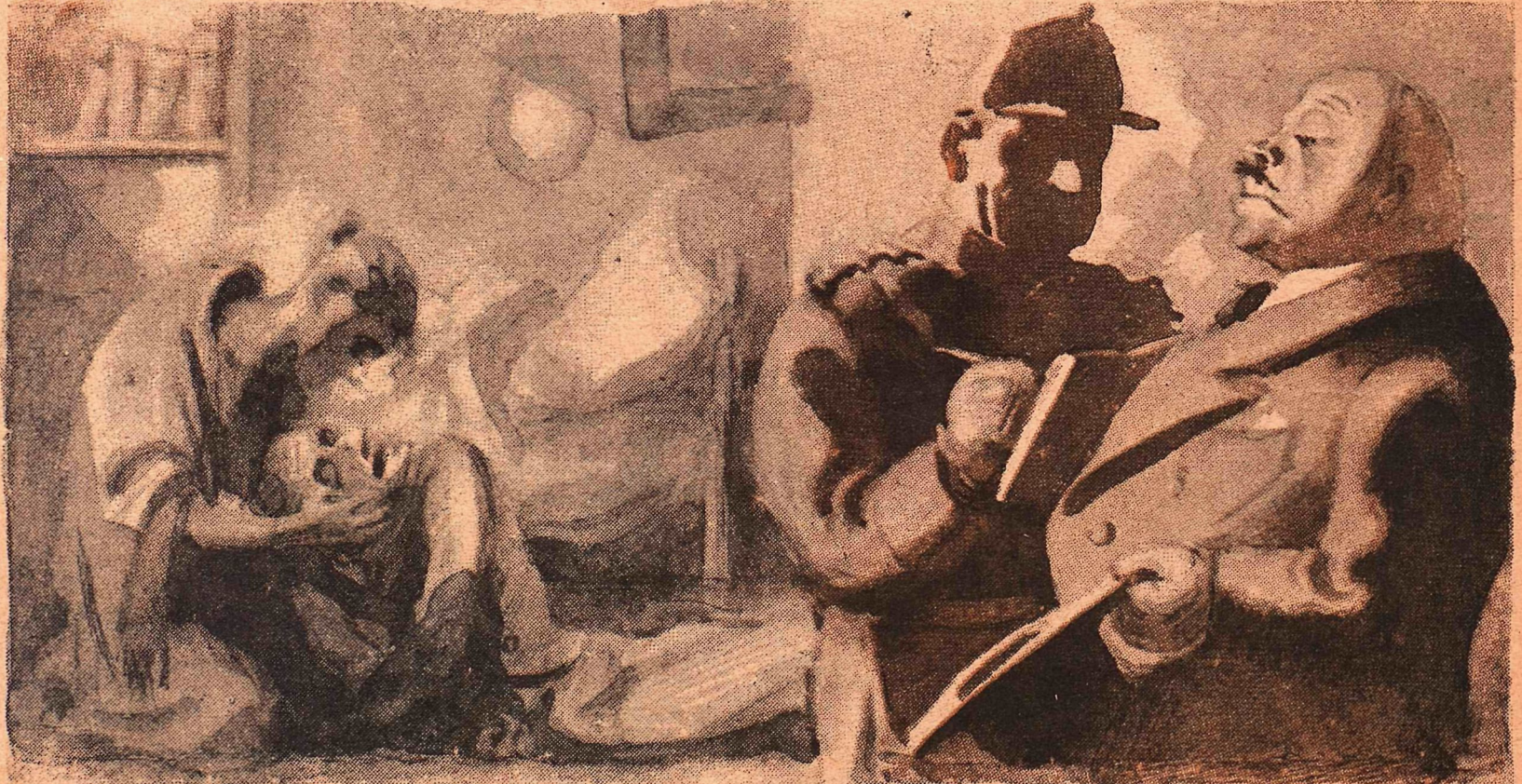
Товарищи, не будьте строги
К тому, что я — не счетовод —
Пытаюсь подвести итоги
Моих трудов за прошлый год.
Работая в пределах плана,
Я сдал журналу „Лабарданс“
Проспект двухтомного романа
И получил двойной аванс.
Блюдя актеров интересы,
С театром выгоден альянс!
Я набросал наметку пьесы,
Чему предшествовал аванс.
Затем я сдал в черне сценарий —
Две серии в один сеанс! —
„Она, Луна и Колумбарий“,
Конечно получив аванс.
Трудолюбивые поэты
С кем не вступают в мезальянс?
Под план либретто оперетты

Я получил большой аванс.
В эфире побывали все мы.
Какой огромный резонанс!
За схему радиопоземы
Мне срочно выдали аванс.
Хотя, конечно, я не гений —
Не пью, играю в преферанс, —
Но под собранье сочинений
Надеюсь получить аванс.
Кичиться славой нет охоты,
Скажу, закончив свой подсчет:
Под знаком творческой работы
Прошел недаром прошлый год.
Слух о моем закате вздорен,
Я вас прошу иметь в виду,
Что буду так же плодотворен
И в наступающем году.

Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

НЕ ПО ЧИНУ

Рис. Н. Радлова

— Какая наглость: всего только ассистент провинциального университета, а кончил самоубийством, как настоящий берлинский профессор!

ДНЕВНИК ГОРЬКОГО ПЬЯНИЦЫ

ЯНВАРЬ
1935
1
ВТОРНИК

Голова болит. Руки дрожат. Во рту такой вкус, будто вчера съел несвежую собаку. Абсолютно не в состоянии работать. Нет! Хватит! Довольно! Будет! Чорт знает, до чего я дошел: товарищам совестно в глаза смотреть. Типичный алкоголик. С моим мягким характером нельзя пить. Другое, бывает, пьют, но знают меру. А я не знаю меры. Не могу остановиться. Вчера, например. Встретили

в одной компании новый год. Все было так прилично. «С новым финансовым годом, с новым промышленным счастьем» и так далее. Выпили рюмку, выпили другую. Включили радио. Потанцовали. В фанты, представьте себе, играли. Все веселились.

Один я, как свинья, надрался. От стола не могли оттащить. Конечно, ужасно наскандалил. А чего наскандалил, совершенно не помню. Может быть, дом поджог, может быть, кофточку чью-нибудь салатом-оливье обляпал, может быть, в милиция был. Не помню. Нет! Это безобразие пора прекратить. Конечно. С сегодняшнего дня бросаю пить.

Окончательно и бесповоротно бросаю. Трудно будет на первых порах не пить, очень трудно. Особенно с моим мягким разболтанным характером. Но я твердо надеюсь, что друзья и знакомые меня поддержат в моем трудном начинании. Не может быть, чтобы коллектив допустил, чтобы я погиб от пьянства.

Итак, решено. С верой и надеждой отдаю себя в руки общества. Оно чуткое. Оно внимательное к слабостям живого человека. Оно не даст мне окончательно опуститься. Оно поддержит меня. Итак, с новым годом, с новой трезвой жизнью!

Опять. Это ужасно. Пять дней держался, как скала. Капли во рту не было. И вдруг вчера... Нет, нет! Об этом даже страшно вспомнить. Об этом слишком больно писать... Но все равно. Надо иметь гражданское мужество. Пусть щеки мои заливают густая краска стыда. Пусть! Так мне и надо, безвольному, слабому дураку, тряпью, сосульке, шлюпику... Честно запишу, как все произошло.

Пошел вчера вечером в гости к Володиным. Маленькая вечеринка. Вхожу в комнату. Надышался свежим морозом. На щеках румянец. Голова светлая, трезвая. Настроение прекрасное. Мысли возвышенные.

За столом сидят друзья, приятели, товарищи.

— Здорово, ребята.

— А! Петруха! Ну, как живешь, старик? А и здорово же ты наливался под новый год у Корнаковых. И смех и грех. Стул зубами сломал. На балкон без пальто вылезал. Хотел с парашютом прыгать с седьмого этажа, насилу у тебя зонтик из рук вырвали. Помнишь?

— Ничего я, товарищи, не помню и вспоминать не желаю, и не напоминайте, не заставляйте краснеть. Ну, что было, то было. Прошлого не воротись. А уж на будущее время, будьте уверены, этого не повторится.

— Не повторится! Ну да, рассказывай. Знаем мы тебя, пьяницу.

— Товарищи, нет, теперь уж твердо. Больше ни капли. С того самого дня, — как отрезало. Бросил. Конечно. Будет. Хватит.

— Да что ты говоришь. С того самого дня ни капли?

— Ни капли.

— Хо-хо. Товарищи, Петруха пить бросил. Прямо анекдот какой-то!

— Так-таки с того самого дня и не пьешь?

— Не пью, товарищи.

— А почему у тебя нос красный?

— С морозу.

— Ха-ха-ха! Ребята! Вы слышите? У Петрухи с морозу нос красный! Сильный мороз, хе-хе, небось, градусов сорок? А то и все пятьдесят шесть?

— Товарищи... Честное слово...

— Э, будет врать. Будто мы тебя не знаем, пьяницу такого. Ты лучше, чем нам баки вкручивать, выпей баночку, тогда всякий мороз, как рукой, снимет.

— Честное слово, товарищи. Мне даже горько это слышать. Вместо того, чтобы поддержать своего друга, помочь ему, укрепить его волю...

— Ну, ясно. Небось, уже надрался где-нибудь в другом месте и болтаешь всякую чепуху. Людей бы постеснялся. А то лопает из себя святого. «Не пью» да «не пью», а у самого изо рта, как из винной бочки... Пей, не разговаривай! Раз-раз — и готово!

Стакан чайный налили и хлопают в ладоши, галдят хором:

— Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

Человек не камень. Тем более обида такая. Никакого доверия. Ну, я, конечно... Эх, да что там говорить! Вспомнить страшно. И вот теперь опять в голове такое делается... Ну, да ничего. Теперь я знаю, что мне надо делать. Не маленький. Перестану ходить в компании, где хоть капля алкоголя на столе. Буду ходить только в совершенно трезвые дома. Пойду, например, под выходной к Сержантовым. Приглашали. Хорошая семья. Культурная. Безалкогольная. В домино поиграем, чайку попьем. Авось, и встану на ноги.

ЯНВАРЬ
1935
13
ВОСПРЕСЕНЬЕ

Ну его к чорту! Голову поднять не в состоянии. Прихожу к Сержантовым. Сидят, пьют чай с вареньем и с пастилой. Колбаса, масло. Выпивки ни малейшей. Дочка Катя на пианино играет «Забудь тебя, забудь весь мир».

Только что вхожу, — начинается паника. Зовут домработницу:

— Любка. Скорей. Петухов пришел. Сыпьте в «Гастроном», понимаете.

— Как не понять? Понимаю. Литровку, что ли? Или полтора?

— Товарищи, говорю, в чем дело? Зачем паника? Любочка, можете снять платок и никуда не ходить. Я совершенно ничего не пью. Бросил.

— Нет, нет. Что вы! Как можно! Раз вы привыкли... мы, конечно, сами не пьем, у нас этого нету, но поскольку вы пьющий...

— Я не пьющий.

— Ой, уморил! Ой, — не пьющий! А под прошлый выходной у Володиных, помните?

— Ничего я не помню. И не напоминайте. Что было, то было, а теперь — баста.

— Хе-хе... Чудак человек. Чего стесняетесь? Быль молодцу не укор. Любка, скорее, а то закроют!

Приносит Любка водку, ставит передо мной на стол, и все смотрят на меня выжидающими глазами. Я сижу, чай прихлебываю и ни-ни.

— Выпейте, Петухов. Не мучьте себя. Ведь хочется, небось.

— Не хочется.

— Нет, хочется. По глазам видно. Небось, еще после вчерашнего не опохмелялись.

— Я вчера ничего не пил.

— Да будет вам! Вы ж известный... любитель этого. Каждый день пьете. Втянулись уже.

— Я не пью. Я не втянулся. Я не любитель. Я хочу тихого, культурного, трезвого общества. И вот я пришел к вам. А вы меня спаиваете. Небось, сами не пьете.

— Чудак человек. Чего ж вы волнуетесь? Ну, мы, действительно, не пьем. Так что ж из этого? А вы пейте. Не смотрите на нас и пейте себе на здоровьечко.

— Не буду пить.

— Ай, ай, ай! Мы для вас специально работницу в лавку посылали, а вы не хотите выпить. Не хорошо. Тем более, если бы вы были непьющий, а то ведь все знают, что пьющий... и даже очень... Смотрите, какая симпатичная бутылочка. Так на вас и глядит. Один стаканчик. Вот я вам наливаю. Видите, какая холодненькая. Ну, раз-раз, и огонь по телу.

— Вы настаиваете? — спрашиваю я мрачно.

— Господи. Конечно! — радостным хором восклицает трезвая семья Сержантовых. — Не только настаиваем, но даже, так сказать, умоляем. А то вы нас обидите.

А Катя перестает играть «Забудь тебя, забудь весь мир», смотрит на меня ангельскими голубыми глазками и говорит, надув губки красные, как ягоды:

— Ведь вы не хотите меня обидеть, Петухов?

— Ах, так? Хорошо! В таком случае за ваше здоровье! Ура!

Ну уж и надрался я у трезвых Сержантовых, будь они трижды прокляты! Что было, точно не помню, но вероятно, нечто неопределяемое, безобразное, потому что сам Сержантов со мной не разговаривает, а Катя вернула мне письма и попросила выбросить из головы всякие фантазии насчет нашего взаимного счастья. «Я, говорит, ни за что не пойду за алкоголика».

Ох, как голова гремит! Как болит сердце! Но я не сдаюсь! Спорт. Только спорт спасет меня. Буду ходить на каток.

Кончено. Не могу встать с постели. Что-то ужасное. Опять придется не идти на службу. Вероятно, меня скоро выгонят. Так мне и надо, пьянице!

Пошел вчера на каток. Какое упоение! Катаюсь я, правда, неважно. Но это не беда. Похожу месяц, другой — и научусь.

Покатался часа два, иду домой по улице. Впереди — две знакомые девушки с коньками в руках. Они меня не видят и разговаривают. Прислушиваюсь. Про меня.

— Видела на катке Петухова?

— Как же, как же. Пьян, как зюзя. Ноги скользят, каждую минуту падает, нос красный, щеки красные, уши красные. И смешно и жалко.

— Ничего не поделаешь. Наследственный алкоголизм. Куда смотрят, интересно, его близкие, друзья, товарищи? Хоть бы повлияли на него.

— Ну уж на такого не очень повлияешь. Думаешь, не влияли? Неисправимый тип. Рюмки равнодушно не может видеть. Пропадающая душа.

Ах, так!

Я дошел до первой попавшейся пивной и... что было! Что было! И... и дальше ничего не помню...

Ох, как мне гадко, как мне плохо.

Товарищи, друзья мои, добрые знакомые, общественность! Спасите меня, поддержите!

Ау-у-у-у!..

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ЯНВАРЬ
1935
7
ПОНЕДЕЛЬНИК

как скала. Капли во рту не было. И вдруг вчера... Нет, нет! Об этом даже страшно вспомнить. Об этом слишком больно писать... Но все равно. Надо иметь гражданское мужество. Пусть щеки мои заливают густая краска стыда. Пусть! Так мне и надо, безвольному, слабому дураку, тряпью, сосульке, шлюпику... Честно запишу, как все произошло.

Пошел вчера вечером в гости к Володиным. Маленькая вечеринка. Вхожу в комнату. Надышался свежим морозом. На щеках румянец. Голова светлая, трезвая. Настроение прекрасное. Мысли возвышенные.

За столом сидят друзья, приятели, товарищи.

— Здорово, ребята.

— А! Петруха! Ну, как живешь, старик? А и здорово же ты наливался под новый год у Корнаковых. И смех и грех. Стул зубами сломал. На балкон без пальто вылезал. Хотел с парашютом прыгать с седьмого этажа, насилу у тебя зонтик из рук вырвали. Помнишь?

— Ничего я, товарищи, не помню и вспоминать не желаю, и не напоминайте, не заставляйте краснеть. Ну, что было, то было. Прошлого не воротись. А уж на будущее время, будьте уверены, этого не повторится.

— Не повторится! Ну да, рассказывай. Знаем мы тебя, пьяницу.

— Товарищи, нет, теперь уж твердо. Больше ни капли. С того самого дня, — как отрезало. Бросил. Конечно. Будет. Хватит.

— Да что ты говоришь. С того самого дня ни капли?

— Ни капли.

— Хо-хо. Товарищи, Петруха пить бросил. Прямо анекдот какой-то!

— Так-таки с того самого дня и не пьешь?

— Не пью, товарищи.

— А почему у тебя нос красный?

— С морозу.

— Ха-ха-ха! Ребята! Вы слышите? У Петрухи с морозу нос красный! Сильный мороз, хе-хе, небось, градусов сорок? А то и все пятьдесят шесть?

— Товарищи... Честное слово...

— Э, будет врать. Будто мы тебя не знаем, пьяницу такого. Ты лучше, чем нам баки вкручивать, выпей баночку, тогда всякий мороз, как рукой, снимет.

— Честное слово, товарищи. Мне даже горько это слышать. Вместо того, чтобы поддержать своего друга, помочь ему, укрепить его волю...

— Ну, ясно. Небось, уже надрался где-нибудь в другом месте и болтаешь всякую чепуху. Людей бы постеснялся. А то лопает из себя святого. «Не пью» да «не пью», а у самого изо рта, как из винной бочки... Пей, не разговаривай! Раз-раз — и готово!

Стакан чайный налили и хлопают в ладоши, галдят хором:

— Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

Человек не камень. Тем более обида такая. Никакого доверия. Ну, я, конечно... Эх, да что там говорить! Вспомнить страшно. И вот теперь опять в голове такое делается... Ну, да ничего. Теперь я знаю, что мне надо делать. Не маленький. Перестану ходить в компании, где хоть капля алкоголя на столе. Буду ходить только в совершенно трезвые дома. Пойду, например, под выходной к Сержантовым. Приглашали. Хорошая семья. Культурная. Безалкогольная. В домино поиграем, чайку попьем. Авось, и встану на ноги.

ЗОЛОТОЙ ГУСЬ

Старик любил покушать. И особенно он любил гусей.

В этом, право же, не было ничего сверхъестественного. Поджаренный румяный гусь, особенно с яблоками, безусловно представляет собой очень привлекательное блюдо.

За несколько дней до нового года старику позвонили по телефону:

— Это обойдется, правда, рублей по тридцать с души, но зато каждый из нас наряду со всякими другими приятностями насладится замечательной гусятиной. Как твоё мнение, Алеша?

— Странный вопрос, — ответил с подъемом наш герой, — конечно, я согласен.

Есть особая прелесть в настроении человека, собирающегося через два-три часа вкушать в кругу веселых и жизнерадостных друзей чудесной румяной гусятины. Мы сравнили бы эти переживания с теми, которые испытывает каждый из нас, приступая к приему внутрь блинов, отбивной свиной котлеты, шашлыка по-карски и тому подобных аппетитных продуктов изысканной европейской и азиатской кухни. Спору нет, все это чрезвычайно достойные, вкусные и питательные блюда. Но до гуся им все же далеко. Гусь — вне конкуренции.

Алексей Абрамыч был поэтому в особо приподнятом настроении. В новом шикарном костюме, в белоснежной сорочке, повязанной галстуком самой безукоризненной импортной расцветки, сидел он за письменным столом и дописывал стихотворение-тост, которое он собирался прочесть в торжественный момент появления дымящегося гуся на праздничном столе.

Телефонный звонок раздался над его ухом как раз в тот момент, когда поставлена была последняя точка в стихотворении.

— Слушай, мужественный старик, выяснилось, что народу будет значительно больше, чем ожидалось. Боюсь, что нехватит посуды. Захвати-ка с собой полдюжины глубоких тарелок. Да, чуть не забыл, забеги по дороге за бутылкой уксуса.

— Есть, капитан, — молодецкато ответил Алексей Абрамыч. — Когда прикажете становиться на работу?

Оказалось, что нужно было выезжать немедленно. И через пять минут старик отбыл на трамвае «Б» с тарелками и большой бутылкой уксуса в руках. Еще через десять минут он, тяжело дыша и обливаясь седьмым потом, поднялся на пятый этаж дома, в котором была назначена новогодняя встреча друзей.

Он долго чиркал спичкой, прежде чем увидел на обитой войлоком двери квартиры № 43 записку:

Милый Алеша, собирается так много народу, что моей комнаты нехватит. Все скопом ушли на Сыромятники, дом № 14, квартира 32. Будет весело. Шпарт трамваем „Б“.

Двадцать минут трамвайных страданий, — и Алексей Абрамыч вошел в широкие ворота огромного жилищного комбината.

— Где найти тридцать второй номер? В каком из двенадцати совершенно одинаковых по окраске, планировке и внешней отделке корпусов? Черная доска величиной с добрую волейбольную площадку, доска, на которой маленькими буквами белели номера квартир и фамилии ответственных с'емщиков, висела так высоко и освещалась такой крохотной лампочкой, что разобраться в надписях не было никакой возможности.

Совершенно озверевший после получаса странствований по коридорам и парадным доброго полудесятка корпусов, наш герой нашел, наконец, квартиру № 32. Пришлось долго стучаться, пока заспанная гражданка не полуоткрыла на цепочке дверь.

— Вы, дорогой гражданин, не туда попали. Никаких новогодних встреч у нас не предвидится. Шляются всякие... — раздраженно прошипела она и с шумом захлопнула дверь перед самым носом оторопелого Алексея Абрамыча.

— Неужели перепутал адрес? — разволновался он и, бережно поставив стопку тарелок и уксус на ступеньки, вытащил записку. Загорючка на двойке была подозрительна. Может быть, это была девятка. Тогда нужно идти в квартиру номер тридцать девять.

Еще на площадке перед тридцать девятой квартирой слышны были веселые голоса и шум посуды. Алексей Абрамыч постучался и вошел в квартиру, полную предпраздничной суеты.

В то время как наш герой, ожесточенно действуя локтями, проталкивался в трамвае к выходу, чтобы выйти у Сыромятников, в одном из московских клубов сослуживцы Алексея Абрамыча коллективно терзались угрызениями совести.

— По-моему, мы все-таки слишком уж зло разыгрываем старика. У него может из-за нас пропасть встреча нового года, — произнес наиболее мягкосердечный из них, обводя рассеянным взглядом вокруг стола сослуживцев увлажненным взором.

— Да-а-а, — протянули хором остальные и опечаленно покачали головами.

— Но, с другой стороны, товарищи, пусть он побеждает немножко с тарелками под мышками. Небось, он нас не пожалел, когда разыгрывал в последний раз.

Все углубилось на минуту в воспоминания, и лица их понемногу приняли жестокое выражение.

— Пусть побеждает, — решили они, наконец. — Побеждает, а потом обязательно придет сюда.

Прошло, однако, пятнадцать, двадцать минут, полчаса. Потом часы пробили двенадцать, все закричали «ура», музыка заиграла туш. А Алексея Абрамыча все не было видно. Разошлись часы в три ночи, полные позднего раскаяния.

В квартире № 39 Алексея Абрамыча встретили дружными приветствиями и аплодисментами.

— Со стихами или без стихов, товарищ Схимников?

— Со стихами, конечно, со стихами, — откликнулся он и озабоченно справился: — Тарелки кому сдавать?

Избавившись от тарелок и уксуса, Алексей Абрамыч осмотрелся. В большой комнате толпилось человек десять его знакомых по работе в радио артистов, певцов, музыкантов, человек пятнадцать незнакомых граждан и никого из его сослуживцев.

«Ищут, небось, голубчики, тридцать вторую квартиру», — подумал он не без злорадства.

Скрипач Петриков подвел Алексея Абрамыча к седоусому гражданину в новом шерстяном костюме и с орденом Ленина.

— Знакомьтесь, — сказал он, — мастер Энергокомбината Алексей Петрович Степанов, кавалер ордена Ленина и ответственный с'емщик данной квартиры, а это, Алексей Петрович, — известный поэт, юморист Алексей Абрамыч Схимников.

Минут за десять до наступления нового года с катка, запыхавшись, прибежал сын Алексея Петровича, вузовец Володя.

— Неважные, наверно, конечки? — сочувственно спросил тонматерого знатока Схимников. Он написал за последний год минимум два десятка стихотворений, в которых в порядке жестокой самокритики развенчивал качество этих популярных средств кругового передвижения. — Разболтанные, наверно, конечки?

— Да нет, почему же? Коньки уже стали делать сейчас не плохие; — возразил находу Володя и бросился ставить электрический чайник. Он вспомнил, что не успел побриться.

К великому изумлению Алексея Абрамыча, чайник повел себя вполне добросовестно. Он исправно вскипятил воду, не распаялся. Чайник, как выяснилось из расспросов, имел на редкость ровный характер и вел себя точно так же уже добрых полтора года.

Но вот часы пробили двенадцать, собравшиеся подняли бокалы, посыпались тосты. Алексей Абрамыч прочитал заготовленное еще заранее стихотворение-тост. Все долго хлопало.

Вскоре на столе появился огромный поджаристый гусь, и Алексей Абрамыч наряду со всеми остальными гостями вкусил этой пищи богов. А затем начался настоящий концерт. Актеры читали рассказы. Скрипачи, пианисты и певцы, как торжественно объявлял каждый раз Алексей Абрамыч, взявший на себя роль конференсье, выступали в собственном репертуаре.

Только в половине четвертого Алексей Абрамыч вспомнил и обеспокоился о судьбе своих сослуживцев, так и не появившихся на этой вечеринке. Он высказал хозяину квартиры беспокоившие его чувства; услышав ответ Алексея Петровича, в изнеможении опустился на стул.

Никто из его сослуживцев и не ожидался на квартиру к Степанову. Алексей Петрович, растроганно обнимая нашего героя, торжественно заявил ему, что он страшно рад, что познакомился с Алексеем Абрамычем, хочет продолжать с ним знакомство и очень доволен, что последний совершенно случайно попал на встречу нового года, устроенную на его квартире старыми кадровиками Энергокомбината.

Гостей развозили по домам в заводском автобусе.

Сослуживцы Схимникова собирались первого января в редакцию с тяжелым чувством. Предстояла чрезвычайно грустная встреча с Алексеем Абрамычем, у которого в результате их далеко зашедшего розыгрыша пропала встреча нового года. После долгого совещания отрядили сотрудника для срочных покупок.

— Алеша, — пробормотал смущенно заикаясь Крюков (тот самый, который вел накануне со Схимниковым телефонные переговоры), — Алеша, мы должны перед тобой глубоко извиниться. Из-за нашего глупого розыгрыша у тебя пропал вчерашний вечер. Прими же от нас в компенсацию шикарного жареного гуся выше средней упитанности. Ешь его, Алеша, и не обижайся на нас.

— Чудесно, — ответил Алексей Абрамыч, ухмыляясь, — значит, уже два гуся получают. — Так сказал Схимников и торжественно развернул объемистый пакет. Он извлек из пакета полдюжины тарелок, бутылку уксуса, ножи, вилки, ситный хлеб, пеклеваный батон, калачи, баранки и... огромный жареного гуся.

— Этого гуся я принес вам, уважаемые граждане, в подарок. Дарю вам его ото всей души. Вы его честно заслужили. Если бы не ваш розыгрыш, я никогда не увидел бы столько интересных людей и вещей, как вчера. Теперь я настоящими темами для стихов обеспечен на весь наступивший год...

Есть особая прелесть в настроении человека, собирающегося вкушать в кругу веселых и жизнерадостных друзей чудесной румяной гусятины. Мы сравнили бы эти переживания...

Впрочем, на этом мы уже достаточно подробно останавливались в начале нашего традиционного новогоднего рассказа.

Л. ЛАГИН

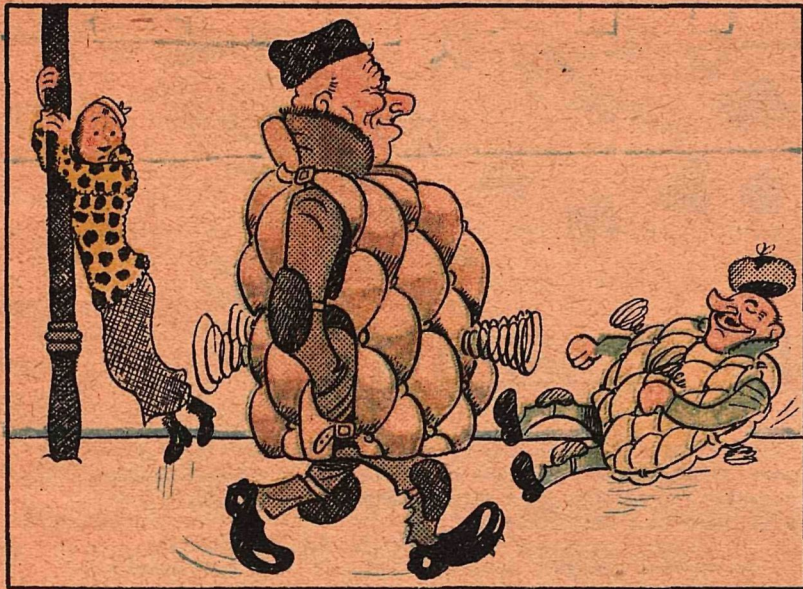

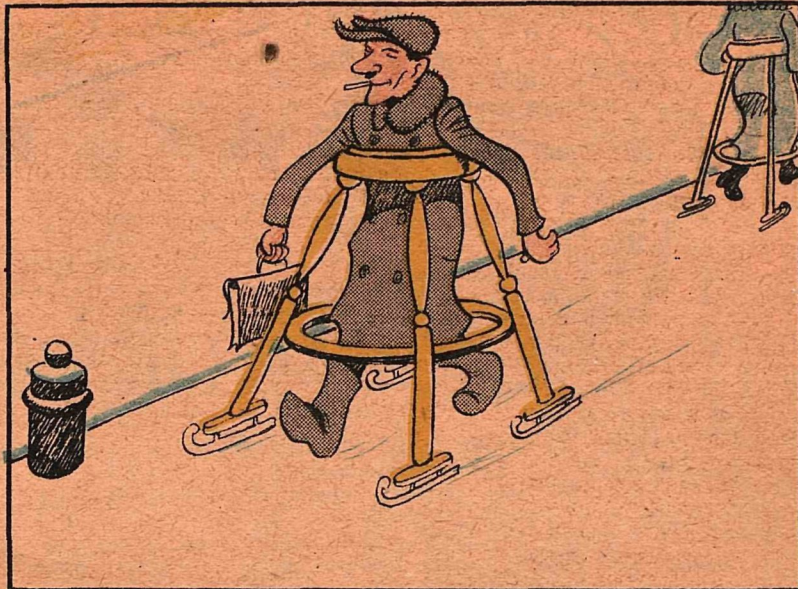
ЕЩЕ НА СКОЛЬЗКИЕ ТЕМЫ

Рис. Ю. Ганфа

ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ СО СКОЛЬЗКИМИ ТРОТУАРАМИ,

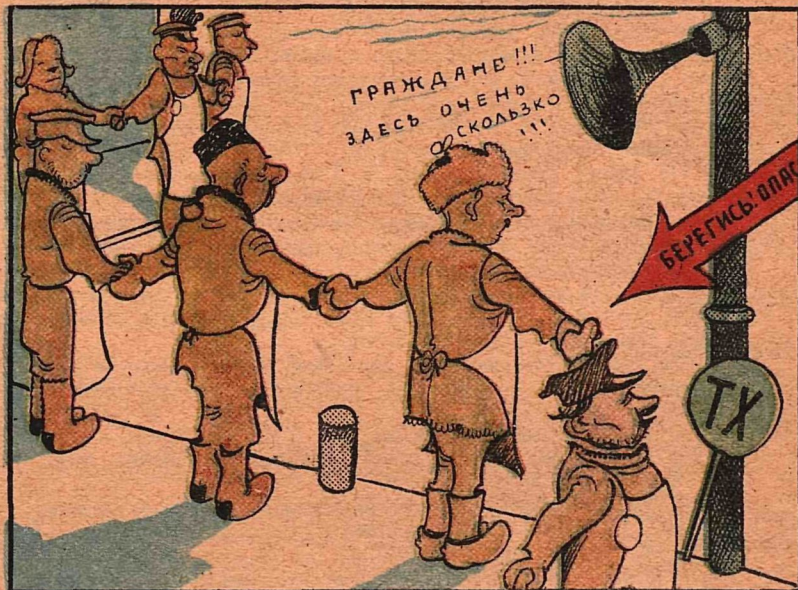
1. ... можно завести предохранительный костюм — „антискользин“...

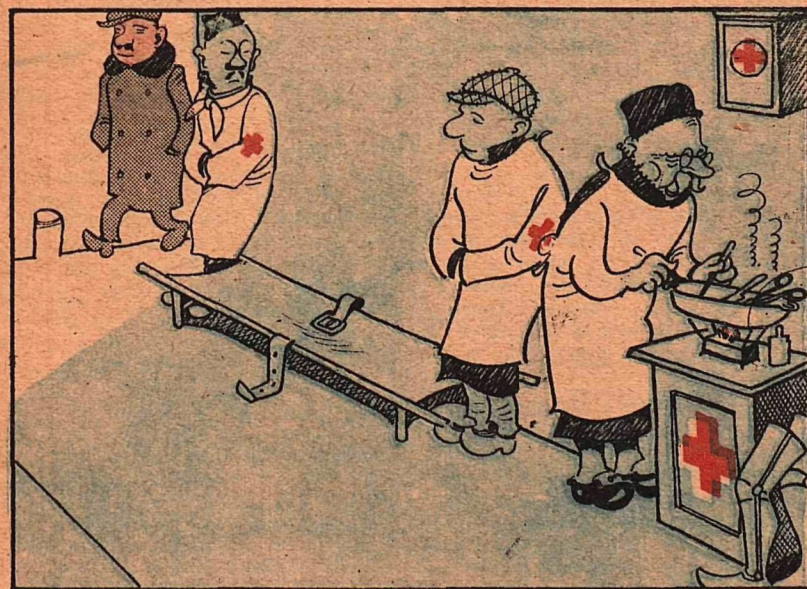
2. ... применять усовершенствованный прибор — „самоскользитель“...

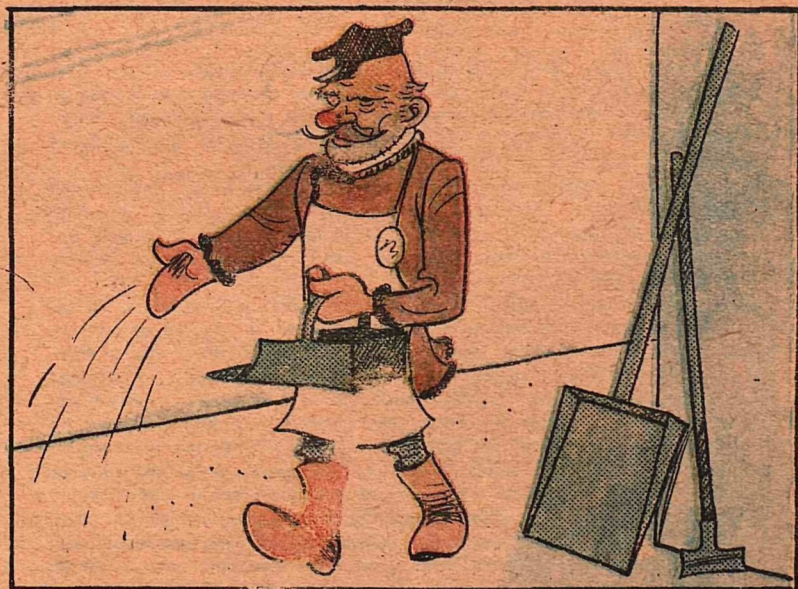
3. ... вести массовую художественно-разъяснительную работу на особенно скользких участках...

4. ... организовать заградительные отряды дворников, широко используя специальные радиопередачи...

5. ... наладить пункты скорой помощи в опасных местах...

6. ... а еще лучше просто посыпать тротуары песком, но в виду редкости применения означенного способа приводим его только в качестве курьеза.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Вечерело. За окнами сверху падали снежинки, а внизу на непосыпанных тротуарах — прохожие.

Наталья Петровна сидела в кресле и смотрела на меня сухим и непрощающим взглядом.

— С некоторых пор вы мне малосимпатичны, — грустно сказала она. — Я не люблю мужчин, от которых пахнет кожной швейной машиной. Тем более, у которых линяют зубы.

— Для всех не линяю, а для вас линяю, — горько улыбнулся я. — Для всех не пахну, а для вас пахну... Ну, что ж, добивайте... Смейся, как это говорится, паяц, над разбитой любовью.

— Да вы не огорчайтесь, голубчик, — уже несколько мягче заметила Наталья Петровна. — Мне просто хочется иметь около себя человека без производственных запахов. И по возможности с зубами менее яркой расцветки. Может быть, другая поймет вас и оценит эти качества, но я бессильна совладать с собой.

— Прощайте, — глухо перебил я. — Забудьте меня, если можете. В четверг позвоню.

По дороге домой я зашел к Твердолапову. Он спал. Я разбудил его и настоятельно потребовал:

— Во имя нашей дружбы, Твердолапов, обнюхай меня. Ты видишь перед собой человека, которого только что оттолкнула любимая девушка.

— Если я должен обнюхивать всех людей, которых отталкивают любимые девушки, мне придется взять двух помощников. Один я не успею. Иди сюда.

Он обвел меня носом и, тщательно принюхавшись к косоворотке, тоном знатока с некоторым удовлетворением сказал:

— Типичное маховое колесо.

— Твердолапов, говори яснее. Без интеллигентских штук. Чем я пахну?

— Ты благоухаешь машинным маслом, как цветок лотоса в долине Ганга. Это тебя устраивает?

— А зубы у меня линяют?

— Наоборот. Некоторые из них уже три дня у тебя сохраняют устойчивый фиолетовый цвет. Декаду тому назад они были цвета кирпичного чая. Надеюсь скоро увидеть тебя с установившимся во рту зеленым цветом. Кстати, не фарфорового ли завода имени Ломоносова твои зубы?

— Боюсь, что да...

— Бойся. Это действительно страшно. Чья на тебе косоворотка?

— Моя.

— Идиот. Зачем твоей пахнуть? Машинным маслом пахнут ленинградские косоворотки фабрики «Красная работница». Завтра с утра замени фиолетовые зубы стандартными белыми, вывесь косоворотку до февраля на воздух, иди к своей любимой девушке и дай мне сейчас спать.

Утром мировоззрение как-то, действительно, становится оптимистичнее. Хочется дышать воздухом, любить и завтракать. Я перешил рубашку, переставил зубы и пошел покупать примирительные подарки для многочисленного семейства Натальи Петровны.

«Дорогая, — писал я в сопроводительной записке, отсылая подарки, — любящее сердце победило. Я уже не пахну машинным маслом, и у меня не линяют зубы. Все это в прошлом. Посылаю вашей дорогой маме красное фланелевое платье фабрики им. В. Мюнциенберга. Пусть носит дорогая мама фланелевое платье. Пусть ваш крошка-братец Саня носит синюю рубашку этой же фабрики. Пусть. Он будет настоящим бывшим ангелом в этой рубашке. Но разве я забыл вашего папу? Нет, я не забыл его. «Везде, везде он предо мной, образ желанный, дорогой», — как сказал поэт в одной из своих опер. Посылаю ему патентованный миниатюрный консервный нож «Промкоопмета». Пусть любитесь на счастье своих детей, вскрывая консервные банки. Что же касается вашего брата

Васички, то его юношеским досугам не помешает этот циркуль «Гизприбора», резинка «Промтехники» и изящный набор карандашей фабрики им. Сакко и Ванцетти. Сам буду в пятницу. Горящий нетерпением

Н. Н. (А. Волобуев)».

В пятницу вечером дрожащей рукой я открыл знакомую дверь и вошел в коридор с сияющим лицом и бодрым возгласом:

— А вот и я!

В квартире стояла жуткая тишина. Только из соседней комнаты доносилась заунывная песня на популярный мотив, но с несколько странным текстом:

«Красная мама,
Синее дитя...»

— Петр Алексеевич дома? — тревожно спросил я домработницу.

— Дома! — неожиданно всхлинула она. — Третий компот доколачивают!

— Как доколачивают?

— Топором. Мне, говорит, какой-то мерзавец ножик консервный подсунул. На первых шпротах сломался. Так они теперь топором консервы рубают. С досады, значит. Дорубаю, говорит, последние кильки и компоты, а потом этим топором самого мерзавца ляпну. Пусть не дарит.

— Приятно слышать... — упавшим голосом заметил я. — А где Варвара Васильевна?

— У себя сидит, горемычная. Красная она у нас, страдалаца.

— В бане, что ли, была?

— Не пустили. Сегодня ее, голубушку, в отдельный номер отмыывать повезем.

Я осторожно зашел в комнату. Передо мной сидела женщина цвета плакатов, на которых активисты из месткома пишут белыми лозунги. Она сурово посмотрела на меня и спросила тоном христианской мученицы:

— Что вы сделали с моим ребенком? Он у меня синий.

— Я не крашу детей, Варвара Васильевна, — робко откликнулся я, — это он сам наверное выкрасился. Дети любят резвиться.

— Идите вон, животное! — прошипела она. — Он еще оправдывается! Я верила вам как будущему мужу моей дочери и надела ваше красное фланелевое платье. И вот меня будут оттирать золой и зеленым мылом в банном номере. Я надела на невинного ребенка синюю рубашку, и дитя уже четвертый день ходит синим. Что вы нам подарили? Маша, выведите эту гадину!

Надевая пальто, я заглянул в комнату Васички. Он сидел на подоконнике и плакал.

— Занимаешься, Васичка, — убито спросил я. — Говоришь уроки?

— Меня уже нет в школе, — сипло ответил Васичка. —

Я пришел в класс с вашим карандашом и провел графитом по стеклу. Я же не знал, что он режет стекло. Я стал тереть вашей резинкой по парте и протер дыру в доске. Потом я хотел вашим циркулем провести окружность, а циркуль не хотел, и вышел квадрат. Учитель сказал, что я не понимаю, что такое квадрат, а что такое круг, а я сказал, что это не я не понимаю, а циркуль не понимает... И теперь я не хожу в школу...

— А Наталья Петровна дома? — в ужасе перебил я.

— Дома. Вас дожидается.

Я понял, что мне теперь в этом доме терять уже нечего. Я вошел к ней в комнату и гордо остановился у дверей.

— Милый, — шепнула мне Наталья Петровна, горячо пожимая руку, — я только теперь вижу, как вы меня любите... Ведь вы мне ничего не подарили.

Кажется, она оказалась права.

Арк. БУХОВ

Неизвестно, что случилось с оркестром. Старожилы уверяют, что оркестранты вследствие материальных разногласий сунули антрепренера в стиральный бак, взяли у крупнейшего представителя городской буржуазии в долг бочонок вина и уехали на плотах ловить налимов. Быть может, это и не совсем точно, но факт остался фактом, и в этот день в городе Елабуге — лет тридцать тому назад — опера «Травиата» шла под фагот и турецкий барабан. На фаготе отрывисто играл сам антрепренер, а турецким барабаном заведывал кассир, изредка в наименее ответственные моменты отлучаясь, чтобы продать билет новому зрителю.

Ничего особенного не случилось. Пострадал только один композитор Верди.

И недаром некоторые из зрителей неодобрительно отзывались о Верди после окончания оперы:

— Должно быть, нащ, местный. В столице давно уже перестали писать такую музыку.

Нечто подобное описанному нами событию произошло совсем на днях в м. Кречевицах, Новгородского района.

Началось оно с появления на дощатых кречевицких заборах бодрой, привлекающей внимание афиши:

„СЕГОДНЯ В КРЕЧЕВИЦКОМ ТЕАТРЕ ЛЕНИНГРАДСКИМ АНТИРЕЛИГИОЗНЫМ ТЕАТРОМ ПОСТАВЛЕНА БУДЕТ КЛАССИЧЕСКАЯ ОПЕРА „ФАУСТ“ ПО ОДНОИМЕННОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ ИЗВЕСТНОГО ПИСАТЕЛЯ ГЕТЕ. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ — „ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ“.

Для того чтобы не томить читателя, скажем прямо, что «Вальпургиевой ночи», выпускаемой обычно в опере Гуно, не было и на этот раз. Вместо «ночи» по сцене ходил в войлочных туфлях молодой человек, о котором зрителю конфиденциально было сказано, что он — Фауст.

Впрочем, зрители скоро уже привыкли к его войлочным туфлям и сами стали догадываться, что Фауст действительно он, а другой молодой человек, систематически выбегавший из-за пианино с невеселым смехом, — Мефистофель. Это распределение ролей, по замыслу гениального Вольфганга Гете, было мастерски доведено до рядового зрителя.

Но самое интересное было вначале.

Перед спектаклем на авансцену вышел молодой человек в необдуманной нарядке, напоминающей испанскую мантилью с поправкой на москвошвеевский дождевик. В руках у молодого человека оказался длинный свиток египетского типа.

Подкрепляя себя бойкими цитатами из этого свитка, молодой человек в мантилье слегка коснулся современного международного положения, подтягивания рыночных цен и, потеряв под влиянием тоскующих зрителей оптимизм и кусок свитка, грустно добавил, что опера «Фауст» в м. Кречевицах пойдет без декорации и музыки. Так как некоторые зрители пытались узнать, не пойдет ли она, кстати, и без пенья, молодой человек предупредил их и гарантировал, что пенья будет, но, так сказать, в ориентировочном порядке.

— Мы — театр эксперимента, и «Фауст» пойдет не весь, а будут продемонстрированы наиболее существенные его детали.

Затем и началось продуманное освоение классического наследства на глазах у кречевицких зрителей. В порядке эксперимента.

Упомянутый Фауст в войлочных туфлях сразу же, с первого момента, предстал пред зрителями, заключенный в фанерную будку.

Не располагая свободными движениями из-за хрупкости местной фанеры, а также опасаясь за туфли, которые оказались слишком велики, Фауст скромно пел свою арию вплоть до того момента, когда мощным прыжком из-за спины аккомпаниатора лукавый Мефистофель не прекратил это развлечение.

Дальше шло почти по Гете. Фанерная будка тряслась от напора двух бойких ленинградских антирелигиозников, пианист извлекал из клубного пианино все тонкие замыслы композитора Гуно, а билетеры останавливали зрителей у выходов, утверждая, что эксперимент экспериментом, а деньги за билеты обратно все равно не выдадут. Пусть Гете выдает обратно. Или Гуно. А театр не может, так как он на самоокупаемости, а мотивы в опере самые настоящие, без обмана.

Подвел второй акт. Здесь приезжие экспериментаторы целиком и полностью отступили от замысла Гете. Гретхен не сразу полюбила омоложенного Фауста. Да и Фауст не сразу увлекся белокурой красавицей. Помешали чисто объективные условия. У Фауста свалились войлочные туфли. Аккомпаниатору пришлось сыграть несколько свободных вариаций, пока Фауст не поймал туфли и уже более бодро приступил к обольщению сестры Валентина.

В таком же духе ленинградские экспериментаторы довели до конца всю оперу при молчаливом ужасе кречевицких театралов. А когда последние расходились по домам, то так же, как в Елабуге тридцать лет тому назад, кто-то наиболее примиренчески настроенный сказал с заглушенным вздохом:

Косинская фабрика Мострикотана выпускает джемпера с расцветкой и рисунками, похожими на поповскую ризу.

Рис. А. Радакова

— Благослови, батюшка!

— Должно быть, это кто-нибудь из местных Вольфгангов Гете. Тот, прежний, этого бы не написал. Впрочем, за Гуно я не ручаюсь. Все-таки буржуазный композитор. Заплатили ему — и пожалуйте!

Так были нечаянно обрадованы столичным экспериментом Кречевицы. И не надо строго осуждать местных старожилов, если при появлении следующих афиш заезжих трупп они отнесутся к предлагаемым зрелищам сдержанно и с некоторой опаской:

— Хорошо, если еще Вагнер и под гармошку... А вдруг Чайковский и на трапезиях?

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

„КОЛОНОЕ ЖЕЛЕЗО“

Значительные массивы редкого вида железа обнаружены в совхозе Плодокультуры в селе Началове под славным городом Астраханью. Примененное для плакатов, это железо творит подлинное чудеса политической и технической безграмотности.

Вот ряд плакатов и лозунгов, развешанных мудрыми руководителями общественной жизни упомянутого совхоза во время Октябрьских торжеств.

В женском отделении барака № 1 леденили сердце своей беспечной жестокостью кровавые лозунги:

«Колоным железом жечь каждую ударницу астраханку».

«Колоным железом выжигать в каждом избирателе астраханщину».

В мужском отделении барака № 1 местные совхозные трибуны категорически предложили:

«Немедленно колоным железом выжигать у каждого ударника избирателя».

Что именно выжигать, не указано. Надо полагать, что-нибудь стоящее такой жестокой операции.

Отдав всеми перечисленными призывами дань классовой бди-

тельности, авторы лозунгов расстались со сделавшим свое дело «колоным железом». С новыми силами, мобилизовав все оставшиеся ресурсы безграмотности, они перешли к составлению оптимистических праздничных лозунгов. В результате на стене появились следующие слова, наполненные тихой гордостью, перемешанной с тревогой, сердца местных комсомольцев и комсомолок:

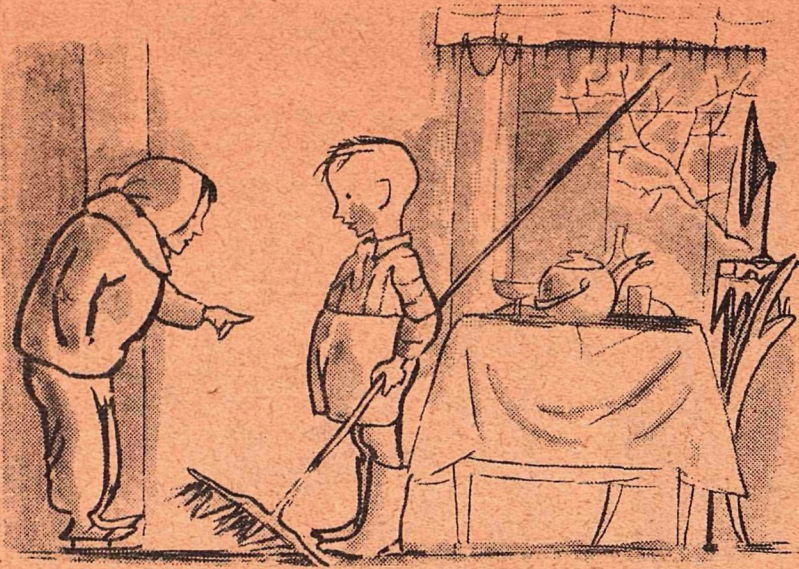
«Комсомольцы комсомолки дочери нашей Матери-России и племя страны».

В бараке № 1 заалел бодрый, загадочный и несколько беспредметный лозунг:

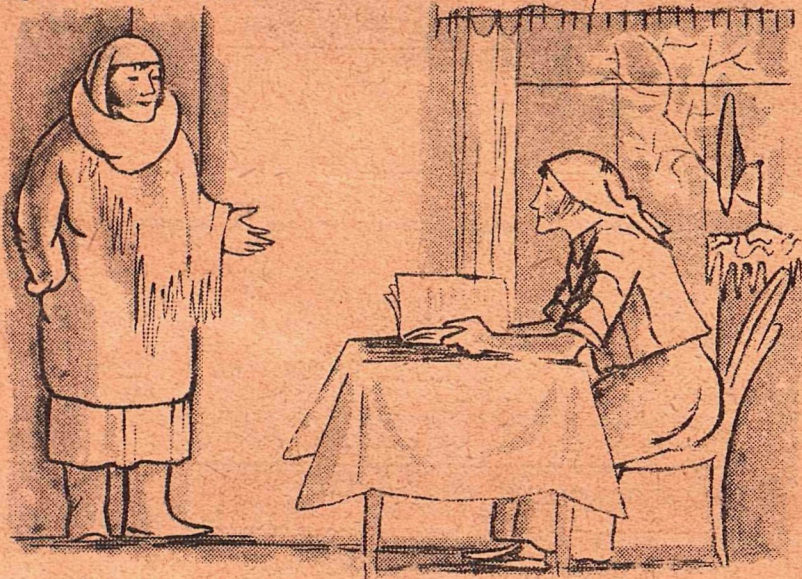
«Да здравствует революция во всем».

Что ни говори, а всем этим плодам высоких душ нельзя отказать в вопиющей, из ряда вон выходящей оригинальности, которой астраханскому горькому партии не вредно было бы заинтересоваться. Хорошо бы захватить в этот совхоз и ответственным представителю профсоюза. Выражаясь словами приведенного выше плаката, в совхозе Плодокультуры срочно требуется «колоное железо».

— Почему ты, Петя, комнату стал убирать?
— Потому что моя мама включилась в конкурс на лучшего ребенка.

— Почему ты, Татьяна Петровна, книги стала читать?
— Потому что мой Петя включился в конкурс на лучшую мать.

ПРЫЩИК

Я — литератор. Александр Березов. По роду своей деятельности мне приходится встречаться с людьми разных категорий и квалификаций. Об одной такой встрече я и хочу здесь рассказать.

Прохожу недавно по коридору редакции. Вдруг таким стремительным тайфуном налетает на меня живая человеческая туша, вдохновенно жмет мне руку и с восхищением выкрикивает:

— Березов! Здоров, братец! Ну, как живешь, капитан?

То, что он назвал меня капитаном, — это не плохо. Так меня еще никто не величал. Но кто он такой? Хоть убей, не могу вспомнить.

Лицо приветливо улыбающееся. Прическа в беспорядке. Глаза томные, доверчивые, наивные. Ворот синей рубахи растегнут. На груди значок Автодора.

Сердечно жму его руку и думаю: надо полагать, старый товарищ. Может, на фронте вместе были в одной части. Но на каком, — на восточном или на польском?

На всякий случай я обнял его нежно за талию и ввел в свой кабинет. Подвинул стул.

— Садись.

— Есть, товарищ адмирал. Сел.

Сегодня мне определенно везет. Я быстро подвигаюсь в чинах. Но все же, кто этот щедрый молодой человек? Очень смущенно говорю ему:

— Ты меня извини. Я за последние годы сильно болел. Дает себя знать и контузия, полученная на фронте. Никак не могу вспомнить... Как твоя фамилия?

— Прыщик. Мишка Прыщик.

Прыщик? Слово знакомое. Но где мы с ним встречались? Как скоро забываются старые знакомые!

— Написал я, товарищ начальник, одно художественное произведение. Сам я — студент литературного вуза. Хочу, чтобы ты помог мне отредактировать. Ты же на этом деле собаку съел.

Парень быстро выхватил из бокового кармана пузатую тетрадь. Я со страхом взял тетрадь в руки — не меньше, чем полкило!

— Хорошо. Сделаю. Приди завтра в шесть часов.

Прыщик кивнул головой, повернулся и ушел.

Через полчаса захожу в секретариат. Вижу, мой Прыщик вертится там.

Спрашиваю Степана Егоровича, секретаря редакции, давно ли он знает Прыщика?

— Первый раз в жизни вижу. Заходит ко мне, садится и этак ласково и проникновенно говорит: «Здорово, Степа. Как поживаешь, капитан? Я к тебе насчет работенки». Думаю: старый товарищ, о котором забыл. А потом оказывается...

Степан Егорыч весело смеется. Но мне не до смеха. Надо сейчас же итти посмотреть, что за художественное произведение сочинил талантливый Прыщик.

Развернул тетрадь, читаю:

«Вот уже три с палавинной петидневки, как не могу у нашего деректора вуза приняться...»

Догадываюсь что в переводе на русский язык это означает: директор вуза не хочет принять Прыщика.

Дальше выясняется следующее. Прыщик экзаменовался в литературный вуз. Экзамена не выдержал. «...И тем не менее меня не хочуть принять вузу».

Прыщик считает это большим безобразием. У него огромные заслуги: он председатель жакта с 1931 года, член Автодора с 1932 года, боролся на всяких литературных фронтах с 1928 года, пишет с 1926 года, попутчики его травят с 1925 года.

«...И тысячи раз был прав старик Энгельс, который, как и я, утверждал, что бюрократы засиделись».

В таком же духе была написана вся тетрадь. Тут были ссылки и на Энгельса, и на Розу Люксембург, и на Лафарга. При чем Прыщик авторитетно свидетельствовал, что «Люксембург не раз говорила, что перерожденцам будит каюк».

Читая эти пламенные строки, я сразу вспомнил:

— Да ведь их автор — наш старый знакомый. Мы его видели. Слыхали его речи. И даже читали.

Это он всегда выступает на собраниях. Всегда и везде. И по любому поводу. Ему нечего сказать. Но он говорит. И никому непонятно, о чем он говорит и в чему. Но речь его неизменно начинается следующей фразой:

«Так вот, товарищи... После яркого и содержательного доклада нашего многоуважаемого начальника мало что можно добавить...»

Это он — человек, который в жизни не прочел ни одной книги, щеголяет перерванными цитатами и этим оглушает, как поленом, своих слушателей.

Это он в свое время на диспутах, размахивая кулаками, кричал, что Пушкин — камер-юнкер, а Толстой — граф и что обоих — к ногтю!

Это он пачкал своими рецензиями некоторые нетребовательные журналы, в которых писал, что беллетрист Белкин, несмотря на все его, Прыщика, указания, еще не «перестроился».

Это он на чистке, рассказывая о своем горьком детстве, взволнованно хватал стакан с водой. А детство у этого сына торговца было уж не такое горькое, чтоб надо было на чистке воду пить.

Это он считает доблестью хлопать всякого и каждого по плечу и говорить «ты». Дескать, я свой вдоску, чернозем от сохи.

— Это — он. Прыщик. Ряженный мешанин, невежа и болтун. Еще не окончательно разоблаченный осколок прошлого...

Утром, на другой день сижу дома. Раздается телефонный звонок.

— Ты, Сашка?

— Я. Кто говорит?

— Это я, Мишка.

— Какой Мишка?

— Не узнаешь, чорт плешивый? Я — Мишка Прыщик. Ну, как? Все в порядке? Читал?

— Все в порядке. Читал. Зайдите в редакцию в шесть.

Он пришел в пять. Я тут же ему сказал, что он написал чушь, что директор прав, не допуская его к экзамену.

Он смотрел на меня злыми глазами. Он видел во мне в эту минуту врага. Он видел во мне человека, который понял его.

Говорю ему:

— Как вам не стыдно! Такая безграмотность! Пишете, например, «мысль». Разве есть такое слово? Надо «мысль».

— Издеваешься? Мысль... Мысль... Это плохо звучит. Я стою на своем — мысль!

— А что у вас в записке ко мне написано — АТС? Что это значит?

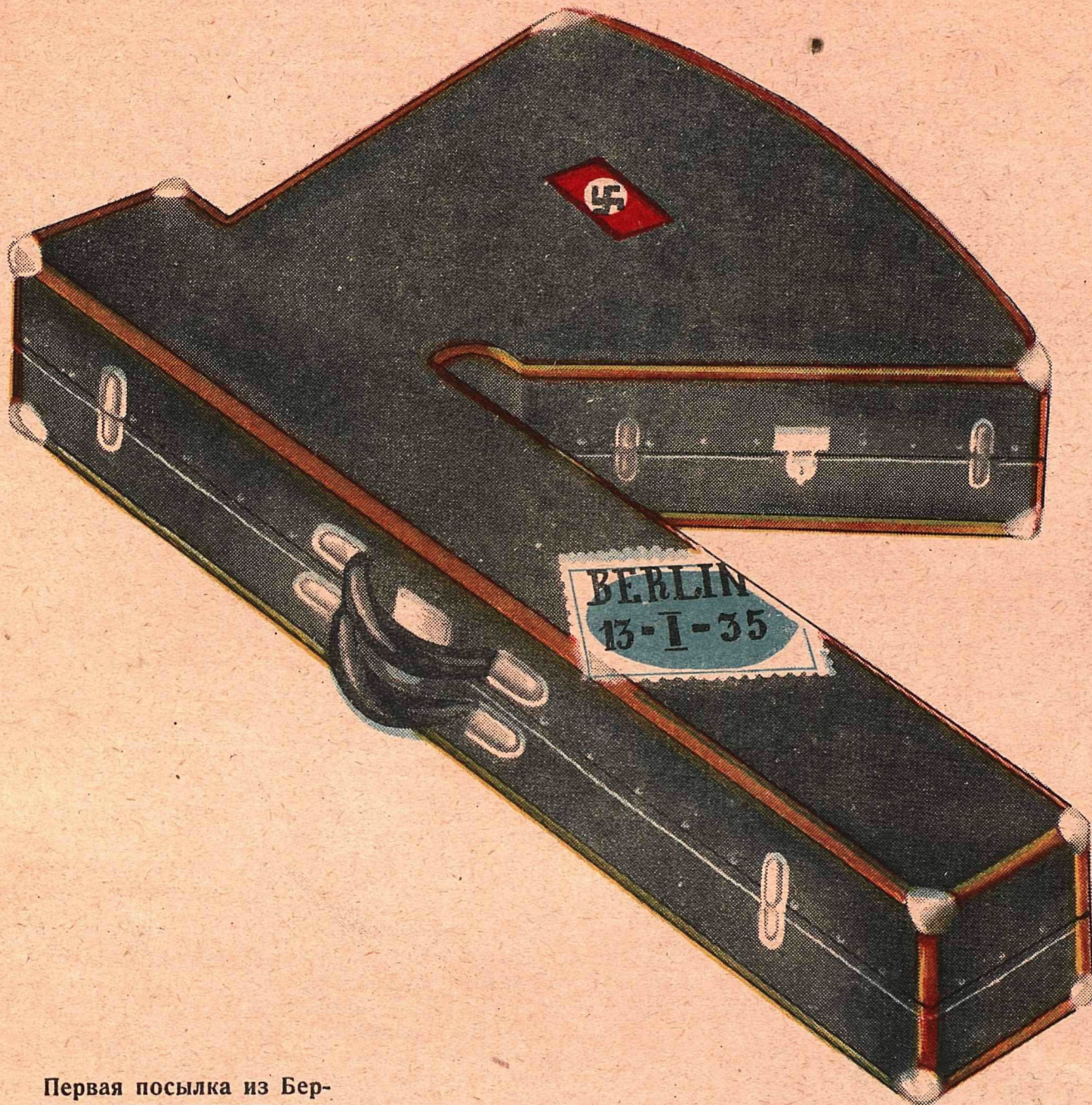
— Очень даже просто: «Акажи товарищеское содействие».

Я не «аказал» содействия. Возможно, что он теперь строчит обо мне: «Еще старик Спиноза говорил, что такие...»

Г. РЫКЛИН

ПОСЛЕ СААРСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Первая посылка из Берлина после голосования.

Рис. Ю. Ганфа

ТИГР И ТАНК

Меж лиан, свисающих, как стропы,
Вскинув кисточки усов гусарских,
Мягко ходит по таежным тропам
Тигр пестрый, как халат бухарский.
А у тигра — плюшевые уши
И глаза круглы, как пяточок.
И кружком китайской черной туши
Смотрит с них внимательный зрачок
Гибкий, мягкий, словно из резины,
Тигр гордо смотрится в ручей,
Ну, как будто только что с витрины
Магазина меховых вещей.
Со скалы, от стужи седоватой,
По орешнику хвостом дубася,
Пасть разинув, словно экскаватор,
Он шалашинским грохочет басом.
И бежит по кедрам робкий ропот,
И от речки тише звон шуги¹,
Тигр ходит по таежным тропам, —
Император сопок и тайги!
И однажды после завтрака, рыгая,
Тигр спал, уставший от ходьбы.

¹ Шуга — первый пловучий лед (дальневосточное словечко).

И покой его оберегая,
Чуть шумели древние дубы.
Слой листвы лежал нежнейшим пухом,
Ветви дуба опускались шторой...
И поймал вдруг тигр чутким ухом
Необычный, странный стук мотора.
Воздух шумно нюхая морозный,
Гневно сдунув изморозь с усов,
Поднял голову и смотрит грозно
На пришельца гордый князь лесов.
А пришелец, пушку вскинув носом,
По ухабам сталью дребезжа,
Словно дачник с тросточкой и фоксом,
Не спеша
На горку выезжал!
Выезжал, флажок неся высоко,
Гулким громом наполняя падь.
И на тигра, самодержца сопок,
Было танку вроде наплевать.
Перло чудище, на темпы жало,
Глядя вдаль из-под железных век...
И когда до тигра добежало,
Из-под брони вылез человек.
Стал на башне, колыхаясь шатко,

В шлеме, в кожанке, и — о нахал! —
Прокопченною своей перчаткой
Добродушно тигру помахал!
И на сопки покосившись дико,
Опалив зеленым дымом пасть,
Понял вдруг развенчанный владыка,
Что ушла его былая власть.
Что его, который, чуть прицелясь,
Кабану перешибал хребет,
Этот самый кожаный пришелец
За секунду в слякоть расшибет!
И погасли желтых глаз лучины,
Как при штурме солнца гаснут зори, —
Тигр шел в синевшие лощины,
Где не знали о его позоре.
Шел... И хвост, цветистый, как голштанга,
От обиды вздрагивал слегка...

Ну, куда же тигру против танка,
На котором — парень от станка!

Биробиджан

Л. МЕЛЬНИКОВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В твоём № 28 меня обрадовало ценное изобретение, предложенное тобою для московских граждан и носящее звучное название «Последний крюк моды». Речь идет о замене легко отрывающихся пуговицу добротными дверными крючками и засовами. Стоит ли специально говорить об исключительном прикладном значении этого изобретения для людей, вынужденных из года в год пользоваться трамвайным способом передвижения. Можно только приветствовать, что я и делаю от всей души. Но к моей радости по поводу этого делающего эпоху изобретения применяется легкая горечь обиды. Почему ты предназначаешь его только для москвичей? Ведь у вас в московских трамваях отлетают только пуговицы, а мы в городе Горьком в трамвае теряем рукава, пальто вырываются, не говоря уже о такой мелочи, как карманы.

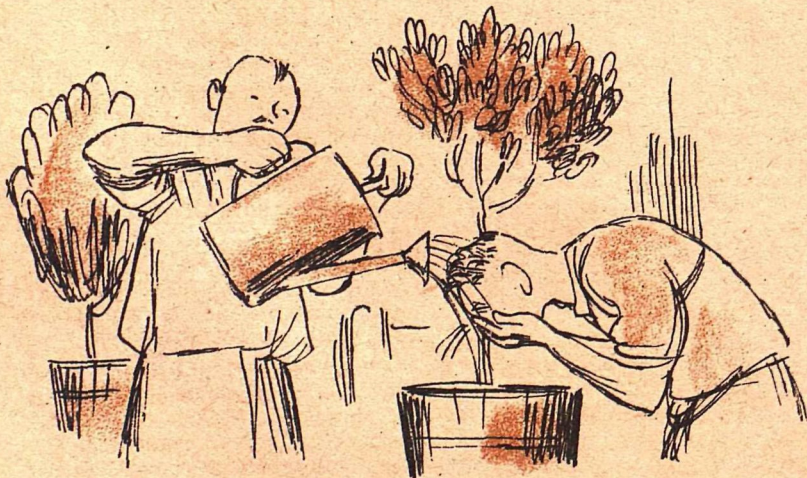
В ПОИСКАХ КУЛЬТУРЫ

На Магнитке около каждого цеха — цветы, но рядом с этим ни в одном цехе нет умывальников.

Рис. Л. Генча

— Цветы... цветы, а вот где руки помыть?

— Разве только здесь... Но культурно ли это?

Дорогой Крокодил, не только от моего лица, но и от имени всех горьковских трамвайных страстотерпцев обращаюсь к тебе с просьбой: москвичам после пуска метрополитена эти крючки не требуются, передайте их тогда нам в пользование.

Ждем с нетерпением твоего ответа.

А. АФАНАСЬЕВ.

г. Горький.

От редакции. Рассмотрев ходатайство тов. Афанасьева, Крокодил постановил просьбу последнего удовлетворить.

Дорогой Крокодил!

Старожилы уверяют, что было время, когда к селедкам в принудительном порядке давали дисканговые струны.

Приходилось или отказываться от селедки или покупать гитару. Не пропадать же даром добротным струнам. Так неожиданно семья обогащалась популярным музыкальным инструментом.

Покупатели итээровского магазина № 12 в г. Вольске лишены даже и этого утешения. Им в принудительном порядке к синьке дают сернокислую магнезию. На что нужна вольским трудящимся сернокислая магнезия, никто точно не знает. Особенно бережливые люди оставляют ее на случай открытия собственной лаборатории, а мы, не питающие таких надежд, спрашиваем тебя, дорогой Крокодил, к какому виду хозяйственных извращений принадлежит навязывание покупателю химикалий, так же нужных ему при стирке белья, как воловьих кишки — при бритье.

В. СЕМЕНОВ.

Вольск.

Дорогой Крокодил!

Если тебе придется быть в г. Мологе и увидеть голых людей, которые скачут с тазами в руках по снегу, не подумай случайно, что это сумасшедшие. Я сам так изредка прыгаю и товарищи мои — тоже. Это мы выбегаем из бани, чтобы зацепить в таз снега, так как холодная вода в городской бане идет только тогда, когда ей захочется. Горячая вода течет чаще. Надо, не надо, а раз в неделю она все-таки появляется в бане.

Сообщаем это тебе, дорогой Крокодил, на тот случай, если тебе кто-нибудь напишет о большом количестве голых граждан на улицах Мологи. Не верь. Это мы — моющиеся.

Я. ТРУСОВ.

Молога.

Дорогой Крокодил!

Скромность, как известно, лучшее украшение людей. Кононов, директор Ястребовской неполной средней школы, и Захаров, директор Разуменской школы, блестяще подтверждают это примером своего негласного соревнования.

Очевидно, чрезмерная скромность мешает им соревноваться в школе, поэтому они соревнуются по темным уголкам в столовых и в пивных.

Там эти беззаветные труженики работают до полного изнеможения.

На совещании директоров и заведующих школами при районо в Белгороде переуто-

мление особенно заметно сказалось на Кононове: он заснул. А Захаров укладкой, но безрезультатно тормозил его.

Дорогой Крокодил, похлопочи перед районо чтобы деятельность этих товарищей была отмечена достойным образом.

При этом нужно иметь в виду, что показатели их соревнования к школе не относятся, они сдаются в лавки Центроспирта, в виде порожней посуды.

ПРИСУТСТВУЮЩИЙ.

Белгород.

Дорогой Крокодил!

Почему, когда я пишу в тетради, тогда чернила расходятся, а когда я пишу на промокательной бумаге, тогда чернила не расходятся? Скажи, пусть делают тетради из промокательной бумаги, а то получаются кляксы, и это некрасиво. А когда я говорю учительнице, что я не виновата, она говорит: «Это ссылка на объективные причины». Как вам это нравится?

ФАИНА ИОФФЕ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Я не специалист по птицеводству. Но когда я познакомилась с товарной птицефермой Болшекорвинского района, то и я стал втупик.

Ферма существует 3 месяца. Хозяйство фермы небольшое, всего поголовья 71 штука.

Казалось бы, что такое небольшое хозяйство можно держать в образцовом порядке. Но оказывается, нельзя. И вот почему: на всю ферму только одна курица, а остальные 70 штук — петухи.

Будь добр, дорогой Крокодил, объясни райзоотехнику Ибрагимову, что при таком соотношении кур и петухов будущее фермы далеко не обеспечено.

Ст. инструктор агротехзнаний МАКЕЕВ.

Москва.

«ПЛОХАЯ ЖАНРА»

На эстрадном фронте, как и на всяком, легко потерять голову. Повидимому, только потерей этой необходимой оконечности человеческого организма местными культорганизацями и объясняется появление на дверях Брединского (Челябинская область) межсоюзного клуба следующей афиши:

25-26-го КЛУБ ЯВА КОПЕ
 НОЯБРЯ
 ПОД УПРАВ. ИЗВЕСТНОГО ГИМНАСТА ЦИРКА
 ЛЮБЕЦ ВЕСТ. ВАЛИТО

ЭСТРАДА.
 ГАЛ. ЦИРКА

ПРОГРАММА В 2 х Б. ОТД.

Апробативка Гимнастика, Пластика, САМОУЧУЩАЯСЯ, 16 СИГУНД И МЕРТВЫХ ПЕТАХ.
КЛИШНИК ПОДНАЗВАНИЕМ
ЧЕЛОВЕК БЕЗКОСТЕЙ.
 И МНОГО ДРУГИХ ЖАНРА

КИТАЙСКИЙ РАСТЖИМОВЩИК
ВСЮДУ ФУРОРА
ФОКУСЫ
СМЕХ И СМЕХ

Сшещите начала ровно 8 часов, цена местам от 1 р. до 3 р. Пресса открыта 3 час дня постановки
 Ответ рук. Х. ВАЛИТО!

Мы вполне понимаем упоминаемого в афише человека без костей, который ищет «всюду фурора» и оплаты за свои рискованные «16 секунд», хотя между двумя гастрольями его все-таки наступит ликвидация безграмотности. Но когда это приятное происшествие случится с руководителями Брединского клуба? Именно, как говорится в афише: «Смех и смех».

А, пожалуй, и хуже!

ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ БЫЛО!

Так как в Краснодарском комбинате «Туркменсельпрома» все требуется очень в аккурате и скорости, чтобы ни одна минута для комбинатской полезности не пропадала, то управляющий комбинатом тов. Синятинский не утруждает себя внимательностью при составлении и подписывании многих из комбината исходящих бумаг.

1 ноября 1934 года из недр комбината за № 1525 выпорхнул за подписью упомянутого Синятинского нижеследующий, всяческого удивления достойный документ:

«В стат. Отдел Треста «Туркменсельпром».
 Гор. Апхабад.

Красноводский комбинат «Туркменсельпром» сообщает, что в октябре месяце

1. Брака продукции,
  2. Движения сырья,
  3. Движения топлива,
  4. Выдвиженцев,
  5. Соцсоревнование и ударничество,
  6. Производственных совещаний,
  7. Нарушение трудовой дисциплины,
  8. Общественное питание,
  9. Пожаров
- Не было.

Управляющий Синятинский
 Статистик (подпись неразборчива).

Умри, Синятинский, лучше не подпишешь!

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Есть верный способ получить из минского отдела подписки Огиза РСФСР недополученные тома сочинений Ленина, если подписчик проживает за пределами Минска. Подписчики самолично прибывают в Минск, доезжают на трамвае до дома № 41 по Советской улице и, подравняв площадку, раскидываются на ней лагерем, в каковом и коротают дни, пока не прибудет новая партия книг Ленина. Подобрав недостающие ему тома, счастливый подписчик упаковывает палатку и убирается во-свояси на периферию.

Несмотря на свою кажущуюся громоздкость и дороговизну, это наиболее быстрый и дешевый способ.

Тем, кто по каким-либо причинам не захочет воспользоваться описанным способом, каждый том Ленина обойдется значительно дороже. Например, тов. К. Ф. Павленко, проживающему в гор. Бобруйске, каждый том должен влететь минимум рубликов в 40. Расчет чрезвычайно прост. За получением 29-го тома ему предложено явиться в город Минск по указанному выше адресу. Проезд из Бобруйска в Минск и обратно железной дорогой стоит около 25 рублей да на питание в дороге и в Минске прибавьте худо-бедно 15 целковых. Вот вам и сорок рублей. А так как тов. Павленко добывается уже который год получения нехватящих

ему семи томов, то это удовольствие должно будет обойтись ему около трехсот рублей.

Между тем, если бы он воспользовался рекомендуемым нами способом, он сэкономил бы несколько сот рублей и, севдив один только раз в Минск, зашел бы заодно к прокурору и к уполномоченному Комиссии партийного контроля и поговорил бы о кувшинных рылах, засевавших в огизовском аппарате.

В виду того, что тов. Павленко не знал еще о предлагаемом нами способе, от поездки в Минск за одной книжкой Ленина он воздержался. Следовательно, не имел он и возможности зайти в прокуратуру и к уполномоченному КПК. Крокодил берет на себя смелость обратить внимание этих организаций на методы распространения сочинений Ленина, применяемые в городе Минске.

НОЧНОЙ ЦИРК

Совершенно естественно, что охрану своей собственности, особенно в чужом месте, трудящимся нельзя ставить в вину. Кому же хочется проснуться в гостинице без собственных брюк или без чемодана?

И очень печально, когда жильцам гостиницы приходится, в порядке охраны частей своего туалета и багажа, прибегать к чисто цирковым приемам.

Так, в гостинице «Общедоступная», в Москве, в Марьиной роще, спасаясь от краж, приезжие на ночь снимают ботинки и ставят в них ножки кровати. Чемоданы и саквояжи ремнями привязываются к их хозяевам.

Единственно, что не привязывали приезжие, — это самих себя. За себя они не боятся. И действительно, если человек осмеливается заехать в такую гостиницу, чего ему еще бояться на белом свете?

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Прежде всего — дорогу документам.

Мы просто боимся нарушить их девственную красоту и чистый пафос всякими предварительными замечаниями.

Вот они, в их наиболее блистающих строках. К VII съезду советов АХО Наркомзема СССР приняло следующие обязательства:

- 1) провести субботник по очистке шкафов и тумбочек;
  - 2) к VII съезду советов внимательно относиться к бумагам;
  - 3) к VII съезду советов вежливо обращаться с посетителями.
- Услышав о таких торжественных клятвах, сопровождающихся трубными звуками, комендатура Наркомзема впопыхах подкинула еще парочку-другую таких же опрометчивых обязательств:

- 1) на пост появляться чистыми;
- 2) на посту быть вежливым;
- 3) выполнять все приказы и распоряжения.

Представим себе на минуту, что группа раскаявшихся доярок пришла к заведующему молочной фермой и согласованным хором заявила:

«Клянемся и обещаем с этого дня: а) не мазать коров дегтем, б) не ездить на них верхом, в) не пользоваться коровьими хвостами в качестве вееров, а также г) по возможности упомянутых коров доить».

Схватится за свою седую голову заведующий фермой и побежит он спасать коров:

— Бедные мои, бедные... Что же они с вами до этого делали?..

Теперь спрашивается, что должны делать ответственные наркомземовцы, когда они узнают, что только с VII съезда советов технические работники начнут: а) ходить чистыми, б) внимательно относиться к бумагам и, вообще, в) выполнять все приказы и распоряжения?

Не завидуем мы ответственным наркомземовцам. А посетителям и бумагам, попадающим в Наркомзем, — еще больше. Совсем незавидное у них положение!

«В ГЕРМАНИИ СТАЛО ЕЩЕ ОДНИМ УЧЕНЫМ МЕНЬШЕ»

Под этим сочувственным заголовком помещена в новогоднем номере газеты «Труд» заметка о том, что «Кельнский дисциплинарный суд постановил лишить кафедры знаменитого профессора теологии старинного Бонского университета, мирового ученого, доктора Карла Барта. Мотив: «отказался присягнуть в верности канцлеру Гитлеру».

Для сведения редакции газеты «Труд» сообщаем:

а) теология, она же богословие, есть «наука», занимающаяся обоснованием религиозной идеологии и систематизацией религиозных догматов;

б) как таковая она теология: каждый политически грамотным трудящимся, за исключением отдельных работников упомянутой выше газеты, почтается не наукой, а плодом досужих размышлений церковных мракобесов;

в) следовательно, и мирового ученого по вопросам теологии правильной было бы полагать мировым мракобесом.

В соответствии с этим и заголовком над приведенной выше заметкой следовало бы читать так: «В «Труде» стало еще одной политически грамотной заметкой меньше».

Рис. Л. Бродаты

— Почему все кланяются этому нищему?
— А как же: это самый богатый из здешних жителей.